

Новые находки памятников древнепермского языка и письма

Грищенко Александр Игоревич, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); grishchenko.a@pstgu.ru
Понарядов Вадим Васильевич, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар); vadim.ponaryadov@yandex.ru

В статье впервые публикуются ранее неизвестные или не введенные в научный оборот памятники древнепермского языка, записанные абуром. Все эти тексты представляют собой приписки на славяно-русских рукописных книгах XV в.: на смеси древнепермского с русским в «Беседах» Григория Великого (1460—70-е гг.), писцовые записи на книге со словами Исаака Сирина (1486) и на двух томах с новыми церковнославянскими переводами с Вульгаты, сделанными для Геннадиевской Библии (1490-е гг.), а также последнее слово в записи о вкладе еп. Питирима на Ареопагитиках сер. XV в. В новых текстах имеются ранее не зафиксированные для этого периода лексемы.

Ключевые слова: древнепермский язык, абур, палеография, рукописные книги, XV век, Усть-Вымь, Ферапонтов Белозерский монастырь, Геннадиевская Библия, тайнопись

THE NEWLY DISCOVERED MONUMENTS OF THE OLD PERMIAN LANGUAGE AND SCRIPT

Alexander I. Grishchenko, St. Tikhon's Orthodox University, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, and HSE University (Moscow); grishchenko.a@pstgu.ru
Vadim V. Ponaryadov, Institute of Language, Literature and History at the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar); vadim.ponaryadov@yandex.ru

The paper for the first time publishes monuments of the Old Permian language written with Abur, or the script of St. Stephen of Perm; these sources are previously unknown or have not been introduced into academic circulation. They are published here as facsimiles, with transliteration, transcription, and Russian translation. Perhaps the oldest of these inscriptions (from the 1460s — the early 1470s?) is the postscript written in a mixture of Old Permian and Russian at the end of the Church Slavonic *Homilae* by St. Gregory the Great: it was copied in the Ferapontov Monastery, in the White Lake area, perhaps by the hand of St. Martinianus of White Lake (Belozersky). The next earliest of the Old Permian documents — and the earliest to be dated precisely — is scribal marginalia on a manuscript book with the spiritual homilies of St. Isaac the Syrian in a Church Slavonic translation; it was copied in Ust-Vym (the Komi area) in 1486 by Gabriel (Gavrila) the Deacon (Kjldaš). Other Old Permian postscripts were made at the court of the archbishop of Novgorod the Great in the early 1490s in two volumes with the new Church Slavonic translations from the Vulgate; they were prepared in the circle of Archbishop Gennady of Novgorod and Pskov. Finally, the last word of the late 15th — early 16th century inscription in the Church Slavonic *Corpus Areopagiticum* has been re-attributed as Old Permian rather than Slavic cryptography in Abur; this book was donated to the Annunciation Church of Ust-Vym by St. Pitirim, bishop of Perm.

The total number of new texts is 37 word-forms, including lexemes that were not previously recorded for this period — this is significant for the Old Permian corpus of the 15th — early 16th centuries. Although from the graphic, phonetic, grammatical, and lexical points of view, these texts basically represent the same linguistic system found in previously known Old Permian monuments, they demonstrate, on the one hand, the inclusion of Old Permian scribes into the activities of professional Old Russian scriptoria and, on the other, they testify to the emergence of interest on the part of East Slavic bookmen in “indigenous” languages. Knowing these languages could be a sign of belonging to a special intellectual stratum that included both the creators of the first Church Slavonic complete biblical collection (the Gennady Bible) and members of the so-called heresy of the Judaizers.

Keywords: Old Permian, Abur, paleography, manuscript books, 15th century, Ust-Vym, Ferapontov Monastery, Gennady Bible, cryptography

Статья написана в рамках проекта «Языковая ситуация в России XV—XVI вв.: источниковедческие аспекты», поддержанного Фондом сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации.

Авторы выражают глубокую признательность коллегам, которые помогли в написании настоящей статьи: Борису Николаевичу Морозову — за предоставление электронных фотокопий рукописей с древнепермскими записями, Татьяне Владимировне Анисимовой — за кодикологические и палеографические советы, Наталье Вячеславовне Савельевой — за возможность ознакомиться с ее публикацией коми-зырянско-русского словаря по рукописи 1668 г., Алексею Александровичу Вовину — за помощь в организации копирования рукописи с «Постническими словами» Исаака Сирина из собрания СПБНИИ РАН в непростое карантинное время, Андрею Александровичу Рыбалке — за уточнение информации об этой уникальной рукописи, Андрею Юрьевичу Виноградову — за библиографическую помощь, Савве Михайловичу Михееву — за уточнение чтения глаголической записи; а также за консультации по латинской палеографии: Владимиру Ивановичу Мажуге, Григорию Михайловичу Воробьеву и Елене Валерьевне Казбековой.

Изучение памятников древнепермского письма (письменности Стефана Пермского) XV—XVI вв., не только содержащих стефановские буквы в качестве тайнописи русских книжников, но также и представляющих материал древнепермского языка, начатое в XIX в., было в целом завершено к 1960-м гг. выдающимся советским финно-угроведом и коми поэтом В. И. Лыткиным (1895—1981). Ему было известно всего лишь четыре памятника древнепермского языка, написанных стефановской азбукой (она же «абур» или «анбур» по названиям первых букв). Среди них два не относились к книжным, поскольку представляли собой надписи на иконах (Троицы — так называемая Зырянская Троица конца XIV в., древнейший и наиболее пространный памятник древнепермского языка и письменности, — и утраченного образа Сошествия Св. Духа XV в.) [Лыткин 1952: 33—43]. Два других — короткие записи в славяно-русских рукописях XV—XVI в.: это приписки дьяка Гавриила Кылдасева (не писца, а владельца рукописи) на списке второй четверти XV в. аскетических сочинений Григория Синаита (БАН, 17.9.11) [Сидоров 1962] и Васюка Кылдасева стефановской азбукой в Уваровской кормчей (Номоканоне) 1510 г. (ГИМ, Увар. 81-4°) [Лыткин 1952: 32—33] (А. С. Сидоров и В. И. Лыткин передавали патроним Васюка как «Кылдашев»: в такой форме он известен и по другой литературе). В последние годы в работах Б. Н. Морозова (также в соавторстве с Р. А. Симоновым) было сообщено о новых находках памятников древнепермской письменности [Морозов 2007; Морозов, Симонов 2008; Морозов 2013], которые — кроме цифровой системы древнепермской письменности, что не имеет прямого отношения к собственно древнепермскому языку, и одной русской записи древнепермскими буквами — до сих пор так и не были введены в научный оборот.

Корпус древнепермских памятников письменности, выполненных абуром, таким образом, не обновлялся с 1962 г., и его объем к настоящему моменту крайне незначителен. Более поздние и несколько более объемные древнепермские тексты — так называемые Лепехинско-Евгеньевские, — содержащие отдельные молитвы из богослужения [Лыткин 1952: 50—74], дошли в списках конца XVII и второй половины XVIII в., причем уже в кириллической транслитерации (шифр старшего, Евгеньевского, списка, который датируется концом XVII в., — ГИМ, сборник Муз. 4068, 12°). Недавно Н. В. Савельевой в Государственном историческом музее в Москве был обнаружен еще один памятник раннего пермского языка — словарь бытовой лексики в составе «Цветника» Прохора Коломнятина 1668 г., озаглавленный «Звѣательные рѣчи зырянскаго ѡзбыка, сирѣчь сирскаго» (ГИМ, Муз. 2803, 8°, лл. 185 об.—188 об.): разговорная пермская речь XVII в. в нем также передана кириллицей¹.

Однако пришло время для публикации найденных в недавнее время памятников древнепермской письменности, требующей также подробного археографического и источниковедческого анализа, которого со всей очевидностью не хватает палеопермистике. Речь идет прежде всего о записях на рукописи 1486 г., содержащей «Постнические слова» Исаака Сирина, на которые, судя по всему, впервые обратила внимание М. С. Федотова, сообщив о них в 1996 г. в Сыктывкаре на международной конференции памяти свт. Стефана Пермского [Федотова 1996]. Публикация всех древнепермских записей из этой рукописи с фотокопиями, расшифровкой и комментариями представлена в разделе 2 настоящей статьи: по сути, это на сегодня самый ранний точно датированный писцом, которому и принадлежат записи, книжный памятник древнепермского языка, написанный буквами Стефана Пермского. Возможно, к более раннему времени (1460-м — началу 1470-х гг.) относится запись абуром на смеси древнепермского и русского языков, а также одно древнепермское слово, обнаруженные Т. В. Анисимовой при описании собрания Е. Е. Егорова в Российской государственной библиотеке. Эти записи впервые публикуются и комментируются в разделе 1. Раздел 3 содержит публикацию ранее не введенных в научный оборот (и известных лишь составителям машинописной описи Волоколамского собрания РГБ) древнепермских записей на двух томах библейских книг, переведенных с Вульгаты в книжном кружке новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова), которые были созданы непосредственно в Новгороде, во владычнем скриптории, и посланы в монастырь к Иосифу Волоцкому: этот факт существенно расширяет наши представления о степени распространения древнепермского языка и письма, а также о языковой эрудиции Геннадиевского кружка. Наконец, в разделе 4 осуществлена публикация записи на рукописи, вложенной свт. Питиримом, четвертым епископом Пермским, которая содержит одно древнепермское слово, записанное абуром: изначально оно было прочитано неверно и квалифицировалось как тайнопись на славянском языке.

Публикация памятников древнепермского языка и письма сопровождается описанием их языка (раздел 5), к которому приложен полный словоуказатель (Index verborum).

¹ О лексикографических разделах «Цветника», куда также входят более пространный карело-русский словарь и значительный по объему и содержанию тюркско-русский словарный свод с дополнительными статьями, см. в двух кратких сообщениях [Савельева 2019а, б]. Публикация словарей-разговорников карельского и коми-зырянского языков подготовлена в издании [Савельева и др. 2021].

1. Древнепермские записи в ферапонтовском списке «Сорока бесед на Евангелие» Григория Двоеслова трет. четв. XV в.

Одно из богатейших частных собраний рукописных книг, поступивших сразу после революции в Государственный Румянцевский музей (ныне РГБ), — собрание московского купца-старообрядца Егора Егоровича Егорова (1862—1917) (Отдел рукописей РГБ, ф. 98) — только сейчас дождалось подробного описания, которое осуществляет Т. В. Анисимова, уже выпустившая из печати первые три его тома. В них содержится подробная информация о первых двухстах номерах (из 2073-х) [Каталог 2017—2021]. В процессе работы над четвертой сотней рукописных книг собрания Т. В. Анисимова обнаружила в «Сорока беседах» Григория Двоеслова, папы Римского (ф. 98, № 326, — далее *Егор. 326*), пермскую запись на обороте последнего листа (л. 359 об.), а также еще одно слово пермскими буквами на нижнем поле л. 162. Кодекс написан на бумаге формата в 4° (20,8×14,0 см) и переплетен в доски с тисненой кожей примерно сразу после написания. По водяным знакам бумаги² рукопись датируется третьей четвертью XV в. (1460-ми гг.?)³; знаков три: 1) «Виноград» (парные знаки на лл. 20, 25 и на лл. 21, 24 — близкие: РНБ Кир.-Бел 7/1084 — третья четверть XV в.; подобные: *Picc.-XIV*, I, № 764 — 1464—1465 г.); 2) «Корона» трех видов (первый: лл. 3, 10, 11, 18 — типа: *Лих.*, № 2597 — 1460-е гг.; второй: парные знаки на лл. 5, 8, 18, 113 — близкий: *Шварц*, № 440 — 1460-е гг.; подобный: *Лих.*, № 1035 — 1460 г., № 2601 — 1460-е гг.; третий: парные знаки на лл. 54, 61 — близкий: *Лих.*, № 2570 — 1461 г. и на л. 30, 31 — подобный тому же знаку, но дефектный); 3) «Голова быка» с перекрестием на одинарном стержне двух видов (первый: только на лл. 261, 268, 304, 305 — типа: *Picc.-II*, VII, № 544 — 1440—1442 гг.; второй: только на лл. 301, 308 — подобный: *Picc.-II*, VII, № 518 — 1424 г.).

«Сорок бесед на Евангелие» папы Римского Григория I Великого (Двоеслова) — памятник, переведенный с латыни на древнечешский извод церковнославянского языка в XI в., но сохранившийся исключительно в восточнославянских рукописях начиная с XIII в. Подготовившему критическое издание памятника В. Конзалу было известно 16 полных его списков, включая *Егор. 326*, который, правда, не был задействован в критическом аппарате [Čtyřicet homilií 2005—2006: XIX].

Запись на смеси древнепермского языка с русским в конце *Егор. 326* см. на рис. 1, пермское слово внутри рукописи на нижнем поле см. на рис. 2.

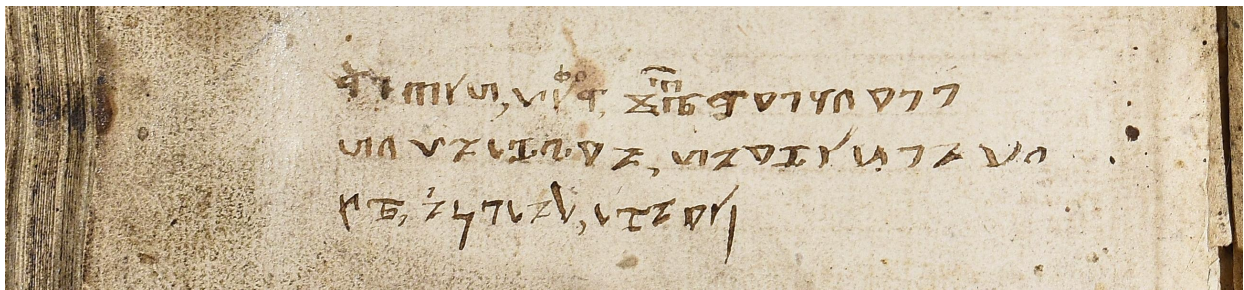

Рис. 1. РГБ, Егор. 326, л. 359 об.

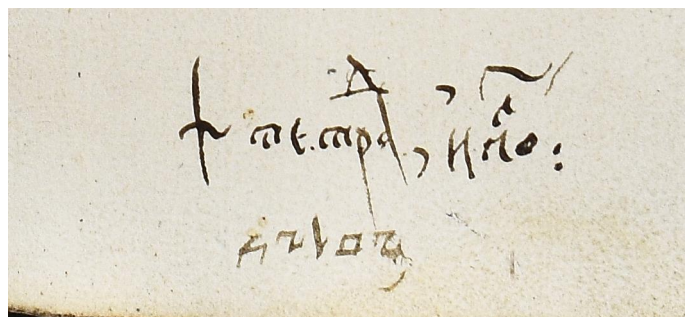

Рис. 2. РГБ, Егор. 326, л. 162

В кириллической транслитерации обе записи с разделением на слова читаются следующим образом.

² Здесь и далее филигранные отождествления по следующим альбомам: *Дианова-«Кувшин»* [Дианова 1989], *Лих.* [Лихачев 1899], *Шварц* [Шварц 1989], *Br.* [Briquet 1907], *Heaw.* [Heawood 1950], *Picc.-II* [Piccard 1966], *Picc.-IV* [Piccard 1977], *Picc.-XIV* [Piccard 1983], *Picc.-XVI* [Piccard 1996].

³ Датировка бумаги по водяным знакам принадлежит Т. В. Анисимовой.

Егор. 326, л. 359 об.:

гижем, нѣг, вѣ григории | монастыра, мартемиано|вѣ, а писаѣ, старец

Транскрипция и перевод пермской части текста:

gižem⁴ ěbeg vęža grigorij...

‘Написал книгу «Святой Григорий»...’

Егор. 326, л. 162: кылзы

Транскрипция и перевод:

kīlzi

‘Слушай’.

Запись на л. 359 об. вряд ли писцовая, поскольку о писавшем сказано в третьем лице, а сам он назван «старцем». При этом вполне очевидно, что запись сообщает о месте создания рукописи — Ферапонтовом Белозерском монастыре, который был известен как «Мартемьянов» (например, в духовных грамотах князя Михаила Андреевича Верейского († 1486) и князя Ивана Борисовича Рузского († 1503) [Бриллиантов 1899: 21]) по имени ученика преп. Кирилла Белозерского — преп. Мартиниана Белозерского, между 1427 и 1435 гг. ставшего игуменом основанного преп. Ферапонтом Белозерским около 1398 г. монастыря [Шевченко 1994: 189—190]. В 1447/48 г. Мартиниан по настоянию великого князя Василия Темного возглавляет Троице-Сергиев монастырь, однако в 1455 г. возвращается в Ферапонтов, но в качестве уже не игумена, а «строителя»: «До конца своей жизни он был руководителем для игуменов и братии Ферапонтова монастыря и, умудренный долгим опытом, давал им указания и советы относительно не только духовной жизни, но и внешнего устройства монастыря» [Бриллиантов 1899: 27]; ср. также: «...пр. Мартиниан по возвращении в Ферапонтов монастырь взял на себя не игуменство [...], а строительство над монастырем» [там же: прим. 2] (разрядка здесь и далее наша, если не оговорено обратное. — *А. Г., В. П.*). Однако сам термин *строитель* как название одной из монашеских должностей XV—XVII вв. многозначен: это и вообще ‘устроитель’ (также «применительно к духовной жизни»), и ‘эконом, ключник’, и ‘глава, настоятель небольшого монастыря или пустыни’, и ‘в больших русских монастырях — монах, заведующий монастырскими вотчинами и подворьями’ [СлРЯ XI—XVII в., вып. 28: 175—176].

Мартиниан скончался в том же Ферапонтовом монастыре в 1483 г. — в возрасте более 80 лет (считается, что он родился около 1400 г.). Житие Мартиниана, составленное в сер. XVI в., сообщает, что преподобный решается оставить игуменство в Троице-Сергиевом монастыре, «понеже и въ старость уже приходя и многы недуги приближатися начинаху» [Шевченко 1991: 391]; встречаются же его в Ферапонтове «с великою радостью» и «прияша и акы отца истинно, с великим усердием и честно упокоивша старость его» [там же: 392]; а сам Мартиниан вернулся в родную обитель «плакаться грех своих, покои и безмлъвие старости моей обрети» [там же: 393]. Речь здесь идет прежде всего о преклонном возрасте Мартиниана, который хотя и не именуется в житии «старцем», однако вполне соответствует этому званию: «И толико потрудися блаженныи и подвиги показа на старость жителства своего, яко всем чюдитися и удивити прилежанию его и усердию: и еже по Бозе о благочинии съборнемь, и устроении монастырьстемь, и еже к братству въ крепости» [там же]. Таким образом, фраза пермской записи «а писал старец» могла относиться именно к Мартиниану, поскольку «старец» не назван в ней по имени, и по умолчанию таковым мог быть только Мартиниан: никаких иных «старцев» в Ферапонтовом монастыре в 1460-е гг. источники не знают. Более того, Мартиниан был профессиональным книгописцем; правда, атрибутированные ему рукописи относятся к годам его юности, а его личное участие в переписывании более поздних книг, времени его игуменства в Троице-Сергиевом монастыре, предположительно [Шевченко 1994: 191—193]⁵. Почерк достоверно переписанных Мартинианом книг отличается от почерка единственного писца *Егор. 326*, однако типологически схож с ним.

Вопрос о времени появления на рукописи *Егор. 326* пермских записей и их авторства еще более проблематичен, хотя и здесь можно сделать одно предположение. Прежде всего, автор записи в конце книги

⁴ Вместо ожидаемого *gižem*. Переход $e > e$ в непервых слогах является характерной особенностью верхневычегодского и ижемского диалектов коми-зырянского языка, но в данном памятнике мы едва ли имеем дело с этой диалектной особенностью, потому что в названных диалектах этот переход регулярен, а здесь в следующем слове *ěbeg* он отсутствует. Поэтому более вероятно, что смешение e и e произошло под влиянием приемов кириллического письма, использовавшихся на русской почве: великорусский переход ударного $e > o$ после мягких согласных (в данном случае — исконно палатального $ž$) и перед твердыми часто не отражался даже в бытовом письме, не говоря уже о книжном. С другой стороны, если для автора записи пермский язык не был родным, фонетическое различие безударных гласных e и e после шипящего согласного могло быть для него трудноуловимо.

⁵ См. также о книжной деятельности преп. Мартиниана: [Сизова 2010: 19—26].

без всяких оговорок свидетельствует о месте хранения и, вероятно, написания рукописи («монастыря Мартемиановъ»⁶): это значит по меньшей мере то, что во время внесения записи рукопись находилась еще в монастыре. Кроме того, если предположить, что «старец» — это сам Мартиниан, то запись, в которой тот не назван покойным, внесена в книгу до 1483 г. Наконец, с Ферапонтовым монастырем связана деятельность владевшего древнепермской письменностью Филофея — с 1471 г. епископа Пермского, причем поставленного из игуменов этого монастыря. Житие Мартиниана сообщает, что Филофей стал игуменом сразу после ухода первого в Троице-Сергиев монастырь: «В негоже [Мартиниана. — А. Г., В. П.] место у Пречистыа въ Ферапонтове [великий князь Василий Васильевич. — А. Г., В. П.] постави игумена ихъ же постриженника именемъ Филофия, после того Великой Перми и Вологде 30 летъ, поведают, владычество дръжалъ» [Шевченко 1994: 388]. Игуменство Филофея подтверждается летописными сведениями, например Софийской 2-й летописи: «Въ лѣт(о) 6980 [= 1471 г.], ноября 8, поставиша еп(и)с(ко)па Перми Филофея, бывши игумен Ферапонтова монастыря» [ПСРЛ, т. VI.2: 208], — однако время его поставления игуменом — сразу после Мартиниана или несколько позднее — дискуссионно, поскольку в 1450—1454 гг. в качестве игумена Ферапонтова монастыря упоминается Герман, а при князе Михаиле Андреевиче Белозерском и Верейском (владел соответствующими уделами в 1432—1486 гг.) упоминается Иоаким, тогда как Филофей — лишь с 1467 г. [Строев 1877: 82].

В любом случае с 1467 по 1471 г. — во время, довольно близкое созданию рукописи *Егор. 326*, — Филофей достоверно был игуменом Ферапонтова монастыря при живом еще Мартиниане. Происхождение Филофея неизвестно (кроме того, что он был постриженником Ферапонтова монастыря), однако использование им пермской азбуки — по меньшей мере в собственной подписи — засвидетельствовано в копии с этой подписи на ставленной грамоте 1473 г. священноиную Якиму, переписанной в требнике РНБ, Солов. 1085/1194 (текст на л. 589, запись скорописью «А сіа грамота ставленаа игумена Якима Лисицкаго монастыря...» на нижнем поле л. 588 об.). Обнаруженная в незадолго до этого перевезенной в Казанскую духовную академию библиотеке Соловецкого монастыря П. Д. Шестаковым, грамота Филофея была издана им в наборном виде [Шестаков 1868: 87; в оттиске — с. 67], а подпись — факсимильно, в специальной вклейке. В подписи Филофея, написанной стефановскими буквами киноварью, до сих пор поддается прочтению лишь само имя епископа — *Пилопи*, причем эта форма уже П. Д. Шестаковым интерпретировалась как зырянская: «Чтобы понять, как из имени Филофей сделалось *Пилопий*, необходимо заметить, что в зырянском языке совсем нет букв *ф* и *ѳ*. Зыряне обыкновенно произносят эти буквы как *п*: Ефрем, Фома — *Иепрем, Пома*; поэтому и Филофей по произношению зырян Пилопей или Пилопий» [там же]. Однако перед именем *Пилопи* в подписи к грамоте Якиму имеется почти целая строка, написанная вязью, причем это единственный на сегодня случай использования вязи для древнепермского письма. П. Д. Шестаков признавал, что целиком эти слова «разобрать трудно, потому что буквы испорчены переписчиком. Более по смыслу, чем по очертанию можно предполагать, что написано: “Смиранный епископ Пермский”» [там же: 88]. Таким образом, П. Д. Шестаков понимал, что перед ним не оригинал грамоты, то есть не автограф Филофея, а лишь копия, о чем свидетельствует прежде всего то, что текст помещен в составе объемной рукописной книги (основной состав занимает требник) — не вклеен в нее, а именно переписан на тех же тетрадах, что и остальные ее статьи, — а также то, что рукопись датирована 1504 г. самим писцом — дьяком Алексием «благословением и повелением господина игумена Якима» «во обители Святыя Богородица Рождества на Лисьи горы»⁷, то есть в том самом Лисицком монастыре под Новгородом⁸, чьим игуменом и был поставленный

⁶ Обращаем также внимание на грамматическое рассогласование в этой древнепермско-русской записи: *монастыря* — род. п., а *Мартемиановъ* — мест. п. м. р. Учитывая, что между этими двумя формами стоит запятая (как и после *Мартемиановъ*), вся запись делится на следующие смысловые компоненты: 1) «написана книга «Святой Григорий», 2) «[книга] монастыря», 3) «[написана в] Мартиниановом [монастыре]», 4) «а писал [книгу] старец». Такого рода эллиптичность характерна для разговорного синтаксиса.

⁷ В приписке на л. 604 об., см. в описании рукописи: [Описание рукописей Соловецкого монастыря 1898: 101], где, однако, дата ошибочно пересчитана в 1505 г. Писец сообщает об окончании книги «потребник» 13 сентября 7013 г. (= 1504 г.) при великом князе Иване Васильевиче, митрополите Симоне и архиепископе Новгородском и Псковском Геннадии, который незадолго до этого, в июне 1504 г., отрекся от новгородской кафедры [Макарий, Печников 2005: 596]. Иван III скончался осенью следующего, 1505, года. Сразу за грамотой Филофея в *Солов. 1085/1194* (на лл. 589—590 об.) переписаны две грамоты Ивана III.

⁸ А. С. Усачев по неясной причине сомневается в месте написания требника *Солов. 1085/1194* (несмотря на четкие указания писца: «во обители», а не где бы то ни было): «А. Г. Бобров на основе анализа записи резонно заключил [? — А. Г., В. П.], что из ее текста прямо не следует, что рукопись была переписана именно в стенах Лисицкого монастыря» [Усачев 2018: 118]. Ничего подобного в статье А. Г. Боброва нет [Бобров 1985: 11].

епископом Филофеем в священнический сан Яким. Этот факт вполне объясняет появление текста ставленной грамоты Филофея в тревнике. Тем не менее это всего лишь писцовая копия грамоты, и насколько серьезно в ней были искажены начертания древнепермских букв, выведенных, вероятно, самим Филофеем, сказать затруднительно. Нельзя ее использовать и в качестве образца древнепермского почерка Филофея, поэтому наше предположение о том, что запись в конце *Егор. 326* принадлежит Филофею, сугубо гипотетично. Не знаем мы достоверно, владел ли сам Филофей древнепермским языком⁹ — прежде всего потому, что копия его подписи стефановскими буквами на ставленной грамоте 1473 г. до сих пор не поддается расшифровке, а сама форма *Пилюши* не может быть надежным свидетельством именно древнепермской фонетики: фонема /ф/ отсутствовала также и в живых славянских говорах, включая старовеликорусские, тем более что исход на *-ий* вместо исконного *-ей* (греч. Φιλόθεος, этимологически правильная церковнославянская форма XV в. *Филофеи*) — это гиперкорректное отражение великорусского перехода напряженного редуцированного переднего ряда (*-iъ* → *-ej*, орфографически *-ии* → *-ei/-ей*).

2. Древнепермские записи Гаврилы Кылдася (Дьякона) в усть-вымском списке «Постнических слов» Исаака Сирина 1486 г.

Впервые на наличие в рукописи с аскетическими сочинениями Исаака Сирина, хранящейся в С.-Петербургском институте истории РАН в собрании **Н. П. Лихачева, № 360** (далее — *Лих. 360*), записей стефановской азбукой обратила внимание М. С. Федотова, исследовательница славянского перевода Исаака Сирина [Федотова 1996: 294—295]. «Постнические слова» Исаака Сирина в церковнославянском переводе, которые содержит список *Лих. 360*, она относит к первой редакции, наряду со старшими, сербскими, списками третьей четверти XIV в. [Федотова 2001: 501]; описание этой рукописи см. [там же: 502], однако с ошибочным пересчетом даты в выходной записи писца на л. 274 (см. рис. 3; киноарные буквы даны полужирно):

В лѣт(о) 6 994. индик(та) 4. свершиса сѣа книга гл(агол)емаѣа Исакъ Сврѣанѣнъ. при бл(а)городномъ, и хр(и)столюбивомъ самодръжавнѣм великомъ кн(а)зѣ Иванѣ Василевич(и) всеа Рус(и). и при с(ы)нѣ его великом кн(а)зѣ Иванѣ Иванович(и) всеа Рус(и). и при пре(о)с(ва)щ(е)нномъ митрополитѣ Геронтіе всеа Рус(и), и при с(ва)щ(е)нномъ б(ог)олюбивѣм еп(и)ск(о)пѣ Фѣлоѣи Великопермскомъ. въ градѣ Оустъ Выми: † **РѢОТѢВ. ѠТЪРЪЗѢЭ ѠЗѢЭ:ЭРѢ ѠЭЭ:РѢ ѠЗРѢ** [= а писалъ. Гаврило дьяконъ Лжжинь сынъ.] сии: быквы (sic!) Стефана Пермскаго.

концах м(ѣ)с(а)ца. июня .4. на памат(ь) с(ва)т(а)го о(т)ца Мѣтрофана патриарха Ц(а)риграда: [пермскими буквами] амин.

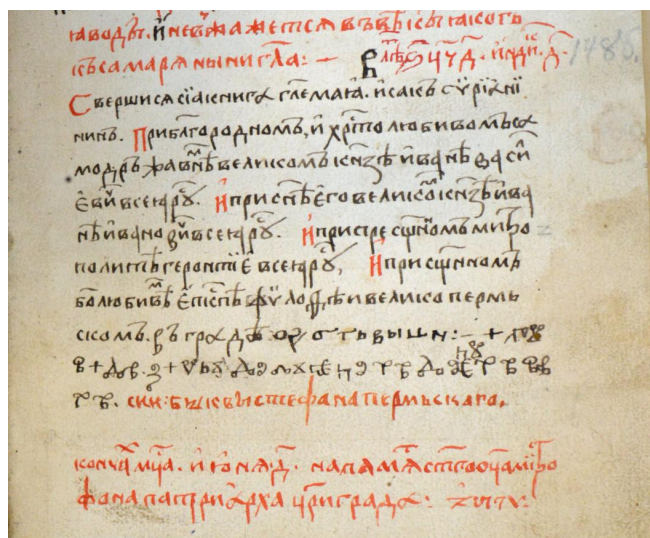

Рис. 3. СПБНИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 274

⁹ Поэтому пока выглядит сомнительным отнесение В. И. Лыткиным подписи Филофея (ошибочно датированной им 1474 г.) к памятникам древнепермского языка, записанным стефановской азбукой [Лыткин 1952: 44], что позволило впоследствии историкам делать такого рода предположения: «Возможно, Филофей знал пермский язык (известна его подпись на этом языке), хотя при нем служба в храмах епархии в основном велась на русском [?! — А. Г., В. П.] языке» [Рогачев 1996: 218].

В этой записи обращает на себя внимание прежде всего сочетание по меньшей мере трех систем письма — кириллической (полуустав, которым написан основной текст), глаголической (ею зашифровано имя писца) и древнепермской, стефановской (которой приписано слово «аминь»). Однако и в кириллице можно выделить нарочито грецизированные формы букв, которыми записано, и тем самым выделено, место создания рукописной книги — Усть-Вымь.

Указанная самим писцом, причем не в записи на полях, а в торжественном колофоне, дата окончания рукописи «4 июня 6 994 г., индикта 4-го» может соответствовать только 1486 г. (при этом на полях, по-видимому, А. И. Сулакадзевым — о котором ниже — оставлена карандашная помета «1485», которая, вероятно, и ввела в заблуждение исследователей) независимо от того, какой стиль — сентябрьский или мартовский — был использован при указании года, поскольку для июня они полностью совпадают. Невозможна здесь и иная эра, кроме византийской: только в ней 6994 году соответствует 4-й индикт. Таким образом, вопрос о дате написания книги можно считать закрытым, равно как и вопрос о месте ее создания — Усть-Вымском городке¹⁰, который в это время был центром Пермской епархии, возглавляемой уже упоминавшимся выше епископом Филофеем.

Более того, Б. Н. Морозов отождествил писца *Лих. 360* — диакона Гаврилу Лукича — с диаконом епископа Филофея, служившим как раз в Усть-Выми, в Благовещенской кафедральной церкви [Морозов 2007: 177], который поминается в жалованной грамоте 1490 г. великого князя Ивана III Филофею на Вымские и Вычегодские земли (по списку XVII в.): «В Усть-Вымском городке, внутри города, двор владычен болшей, да что двор Устиновской владычня брата Ионы, а живет в нем дякон владыченья благовещенской Гаврило, и то место владычне» [АСЭИ, т. III: 312] (разрядка в публикации. — А. Г., В. П.). Учитывая высокий профессионализм писца Гаврилы и нетривиальное содержание переписанной им рукописи, можно вполне согласиться с гипотезой Б. Н. Морозова о существовании особого усть-вымского книгописного центра — первого документально засвидетельствованного на территории современной Республики Коми центра книжности, напрямую связанного с местом служения Стефана Пермского, в том числе по данным других памятников письменности [Морозов 2013: 4—6].

Однако для нас важно не просто наличие этого центра книжности и даже не сам факт знакомства в нем с азбукой Стефана Пермского, хотя и он чрезвычайно показателен (постольку, поскольку она использована в торжественном колофоне писца для написания слова «аминь»), но использование древнепермского языка, причем в древнепермской графике, в записях на рукописной книге *Лих. 360*, созданной непосредственно в Усть-Выми¹¹. Рукопись содержит две полистные записи («скрепы») на нижних полях лл. 6, 58, 59 и 60 и еще несколько маргинальных исправлений (лл. 66 об., 213, 215 и 217 об.), которые, хотя и выполнены древнепермскими буквами, представляют собой славянские слова, то есть здесь имеет место использование древнепермской графики в качестве тайнописи.

¹⁰ Вслед за Б. Н. Морозовым [Морозов 2007: 177, 180, прим. 6 и 8] также обращаем внимание на неверную локализацию рукописи *Лих. 360* в Великом Устюге, приведенную Н. Н. Розовым [Розов 1981: 133, 138, 141—142]: она была вызвана неверной интерпретацией записи на лл. 4об.—14 с упоминанием великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря (об этой записи см. ниже).

¹¹ Впервые обнаружившая их М. С. Федотова так и не смогла дать им расшифровку, ср.: «[в записи на л. 6. — А. Г., В. П.] несколько слов письменами Стефана Пермского, из которых расшифровать удастся только одно — “Исакий”. И это не единственная запись, сделанная “зырянскими письменами” в этой рукописи. На лл. 58—60 также по нижнему полю запись, разбитая на 10 “слов”, из которых читается два — “Исакий” и, может быть, “Гаврило” (?). [...] [Д]анные зырянские записи обращают на себя внимание еще и тем, что это, по-видимому, не транслитерация, как многие известные записи подобного рода в рукописях, описанных П. Савваитовым, П. Некрасовым, М. Сперанским. Возможно, они сделаны на одном из диалектов языка коми» [Федотова 1996: 295]; «На л. 58—60 — запись зырянскими буквами, не расшифровывается; также на л. 217 об. и 66 об. (обрывок слова)» [Федотова 2001: 502]. О попытке расшифровать и перевести эти записи лингвистом-финноугроведом В. А. Степановым (псевдоним — Ёньб Лав) писали в еженедельной газете Республики Коми «Молодежь Севера»: «...знаток древнерусской книжной культуры Борис Морозов не лингвист и не знает ни современного, ни, тем более, древнего коми языка. Поэтому он и не смог прочитать и расшифровать загадочные строчки. Никто из сыктывкарских ученых и знатоков коми языка также не смог понять эти древние тексты. Казалось, что загадка неразрешима. Тогда корреспондент “МС” попросил помочь москвичу уникального полиглота из Перми — Онье (sic! — А. Г., В. П.) Лава (Вячеслава Степанова) [...]. Встретившись и побеседовав с московским археографом, наш корреспондент скопировал загадочные тексты и передал их пермскому лингвисту. Благо, оба они в июне работали в сыктывкарских архивах. Правда, про существование друг друга они не знали, знакомы не были, и никогда не встречались. Но сотрудничество двоих, занятых в разных сферах, ученых оказалось плодотворным» [Артеев 2007]. О предложенных В. А. Степановым расшифровке и переводе записи на л. 58 — в изложении, однако, сыктывкарского журналиста — см. ниже.

Начнем с самой пространной, и оконченной, записи, которая воспроизведена на рис. 4.

Лих. 360, лл. 58, 59 и 60:

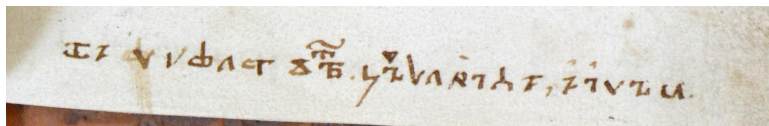
[л. 58] та небог вѣ пылошѣда, айным || [л. 59] йсакий ширмуса шед уериаслу велоды || [л. 60] сы небог, гаурйлѣ, лука пи кылдѣ

Транскрипция и перевод:

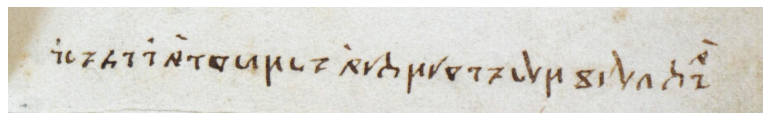
[л. 58] *ta hébeg vęža pjr-lešjda ajnim* || [л. 59] *isakij šir-musa šed¹² verjaslu veledjś* ||

[л. 60] *sj hébeg gavrillen luka pi kjldas*

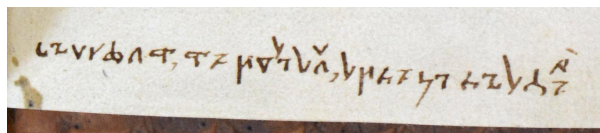
‘[л. 58] Эта книга святой присноблагий отец наш || [л. 59] Исаакий Сириец чернецам учитель || [л. 60] та книга Гаврилов Лука-сын Кылдась’.

а) л. 58

б) л. 59

в) л. 60

Рис. 4. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, «скрепа» на лл. 58, 59 и 60

Первая попытка расшифровать и перевести эту запись В. А. Степановым, о чем мы упоминали выше (см. прим. 11), в передаче сыктывкарского журналиста выглядела следующим образом:

Знающий около тридцати языков и все коми диалекты Онье Лав буквально за час расшифровал тексты. Ему помогло и то, что он когда-то сам писал на анбуре, и совершенное знание современной и древней коми лексики. Надпись на древнейшей коми книге гласит: «та небог важь пыр лѣсида айным» («Эта книга старая всегда красивая, отец наш»). А отдельное загадочное слово на верхнем поле рукописи читается как «все гда»; возможно, это сокращение от выражения «всемогущий Господь» [Артеев 2007] («загадочное слово» на верхнем поле — это маргиналия на л. 215, о которой ниже. — А. Г., В. П.).

Естественно, подходить к этому свидетельству как к факту научного изучения записи в *Лих. 360* нельзя, потому оставим без комментариев ошибочные интерпретации, которые вполне могли принадлежать и журналисту, а не самому В. А. Степанову.

Другая запись представляет собой неоконченный вариант приведенной, но с одним разночтением — формой *ата* вм. *та* в начале (см. рис. 5).

Лих. 360, л. 6:

ата небог, вѣ пылошѣд. йсакий ширму [...]

Транскрипция и перевод:

ata hébeg vęža pjr-lešjda isakij šir-mu[sa]

‘Вот это книга святой присноблагий Исаакий Сириец’.

¹² Вместо ожидаемого *šed* с первичным значением ‘черный’. Фонетический переход *ę > e* после палатальных согласных спорадически встречается в современном нижевычегодском диалекте коми-зырянского языка [ОКЗР 1971: 7], однако именно в этом слове он не засвидетельствован: в указанном диалекте оно обнаруживается в той же форме *šed*, что и в других коми диалектах [ССКЗД 1961: 355; Сорвачева 1978: 172]. Поэтому более вероятно, что письменное *šed* в рассматриваемом памятнике отражает не пермскую фонетическую реальность, а интерференционное влияние кириллической графики или русской фонетики, как и в *Егор. 326* (см. выше, в прим. 4).

Рис. 5. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, лл. 5 об.—6

Древнепермские буквы на нижнем поле л. 5 об. не являются самостоятельной записью, поскольку это отпечаток записи на л. 6 (о чем свидетельствует их зеркально отраженный облик). Вероятно, писец, не окончив запись на л. 6, быстро, не дождаввшись высыхания чернил, захлопнул тетрадь, так что часть букв, ближе к сгибу, отпечаталась на прижатом к ним л. 5 об. Затем, не возвращаясь к л. 6, писец сделал новую запись на лл. 58, 59 и 60, доведя ее теперь до конца (на лл. 57 об., 58 об. и 59 об., однако, имеются еле заметные отпечатки с лл. 58, 59 и 60 соответственно: это значит, что и здесь писец не дал чернилам высохнуть окончательно).

Кроме того, необходимо специально оговорить, что древнепермская запись на л. 6 не имеет отношения к той «скрепе», которая начинается на л. 4 об., при этом М. С. Федотова воспроизводила эту «скрепу» вместе с древнепермской записью, которую, впрочем, не имея возможности ее расшифровать, давала или отточием («На месте троеточия — несколько слов письменами Стефана Пермского...» [Федотова 1996: 295]), или просто пояснением в скобках («несколько слов письменами Стефана Пермского» [Федотова 2001: 502]). При этом, однако, тот факт, что кириллическая русская «скрепа» написана двумя почерками, был отмечен лишь А. А. Рыбалкой, который описал рукопись *Лих. 360* как принадлежавшую коллекции знаменитого собирателя и фальсификатора древностей А. И. Сулакадзева. Специально по его просьбе Д. С. Алексеев изучил рукопись *de visu* и дал следующую расшифровку «скрепы», с разбивкой по листам (чего не было у М. С. Федотовой), выделив вторую часть записи курсивом: «[4 об] Сия книга глаголемая [6] (несколько слов письменами Стефана Пермского. — *А<ндрей> Р<ыбалка>*) [6 об] Исак Сиринь [8] Устюга Великаго [9] Архангелскаго м(о)н(ас)т(ы)ря инока, [10] домовая, а подари я сыну [11] моему духовному, [12] а дори ея Боголепу [13] индик д [14] *гцче (ниже подписано [карандашом. — А. Г., В. П.]: 1491. — *А<ндрей> Р<ыбалка>*)» [Рыбалка 2018: 303]. Комментарий А. А. Рыбалки следующий:

Выделенная фраза, по мнению Алексеева, отличается стилем написания ряда букв от остального текста, не имеет в ожидаемых местах титл, выполнена более темными чернилами и создает впечатление более поздней приписки. Как известно, Боголепом Сулакадзев называл своего прапрадеда, и нельзя исключить, что [...] он пытался таким образом создать еще одну «семейную реликвию» [там же].

К этому можно добавить, во-первых, то, что дописанная А. И. Сулакадзевым запись содержит несколько явных ошибок в церковнославянском, которых не допустил бы ни один писец конца XV в. (*подари я* — аорист 3 л. ед. ч. в сочетании с местоименной формой *я*, которая не может быть 1 л. ед. ч. им. п., поскольку она тогда не согласуется с формой аориста, — не с правильной формой *ю* ед. ч. вин. п. ж. р., которая также должна быть вместо ед. ч. род. п. ж. р. *ея* в сочетании *дори ея*). Во-вторых, после записи года на л. 14, выполненной действительно совершенно невозможным для XV—XVII вв. почерком, теми же чернилами выписано два знака, напоминающие китайские иероглифы. В-третьих, ошибочна и датировка: 6999-му (1491-му) году соответствует не 4-й индикт, а 9-й. Номер индикта фальсификатор, не сведущий в хронологии, заимствовал, вероятно, из колофона рукописи, где он совершенно правильно соответствует году 6994-му (1486-му от Р. Х.). Последовательность записей, таким образом, можно установить следующую: 1) во время, близкое созданию рукописи, сам писец сначала делает пробу древнепермской записи на л. 6, затем пишет ее уже полностью на лл. 58, 59 и 60; 2) новый владелец рукописи — в Михайло-Архангельском монастыре в Великом Устюге — не ранее середины XVI в., судя по почерку новой кириллической записи, начинает свою «скрепу» на л. 4 об., но, обнаружив л. 6 уже занятым старой, древнепермской, записью, пропускает соответствующий разворот и продолжает «скрепу» с л. 6 об., закончив ее на лл. 8 и 9; 3) в конце XVIII или в начале XIX в. А. И. Сулакадзев, которому, судя по всему, принадлежат и карандашные приписки¹³, решает дополнить предыдущую запись, добавив в нее

¹³ См. заключение А. А. Рыбалки о карандашных приписках к колофону: «...внизу л. 274 [но также число «1485» наверху на правом поле, рядом с подлинной датой колофона. — А. Г., В. П.] имеются карандашные записи руки Сулакадзева с датами хиротонии и смерти епископов Геронтия и Филофея, упоминаемых в тексте, взятые

упоминание некоего инокa (л. 9) и Боголепа, но не справившись ни с церковнославянской грамматикой, ни со средневековой хронологией и «украсив» свою запись еще и псевдокитайскими иероглифами (лл. 10, 11, 12, 13 и 14).

Возвращаясь к древнепермской записи на лл. 58, 59 и 60, следует подчеркнуть ее свидетельство о том, что это книга Гаврилы Лукича, именуемого *Кылдась*. Если сравнить эту запись с информацией о писце, приведенной глаголицей в колофоне на л. 274, то совершенно естественно оказывается, что прозвище *Кылдась* — это перевод славянского *диякон*, о чем — применительно к другой записи, на рукописи с сочинениями Григория Синаита и тоже с упоминанием некоего Гаврилы Кылдася, — высказывался уже В. И. Лыткин. Публикуя запись на рукописной книге второй четверти XV в. (БАН, 17.9.11), он предположил, что *Кылдась Гавриил* — это в действительности ‘дьяк Гавриил’, а не ‘архистратиг (?) Гавриил’, как то первоначально предложил А. С. Сидоров, обнаруживший в этой рукописи древнепермскую запись и вчерне подготовивший ее публикацию [Сидоров 1962: 180—182]. «Не обозначало ли это слово ‘дьяка’, ‘писца’?» — пока еще задавался вопросом В. И. Лыткин. — «Ср. фамилию *Кылдас'эв*, встречающуюся в приписке в Номоканоне 1510 г. и обозначающую буквально ‘Дьяков’, что являлось, по-видимому, псевдонимом писца» [там же: 182]. Об этимологии древнепермского патронима (а никак не псевдонима, конечно) *Кылдас'эв* В. И. Лыткин писал и ранее, предположив его связь с корнем *кыл-* (сущ. ‘слово, язык’, глаг. ‘слышать’) [Лыткин 1952: 135], и лишь к концу 1970-х, в «Истории коми литературы», он с полной уверенностью дал следующий перевод записи Гавриила на рукописи с сочинениями Григория Синаита: «Этой книги почитатель ушел на [П]рилуку в затворники, дьяк Гавриил, на спасение своей души, при игумене при Михаиле» [Лыткин 1980: 15]. С вологодским Спасо-Прилуцким монастырем отождествил «прилуку» этой записи Б. Н. Морозов, предположив при этом, что сделавший ее Гавриил — тот же самый, что писал *Лих. 360*, и отец Васюка Кылдасева, писавшего Номоканон 1510 г. [Морозов 2007: 178]. Однако это не столь очевидно.

Прежде всего, следует уточнить семантику самого термина *кылдас'*. Действительно, восходя к корню со значением ‘слово, язык’, он переводит русское *дьяк* ‘писец’, однако *дьяк* через греческий этимон связано с *диякон* (*диако́н*) ‘чин священнослужителя’. Вполне вероятно, что термин *кылдас'* распространился и на наименование диакона, поскольку тот же Васюк в записи 1510 г. называет и свой русский патроним — *Попов*, то есть ‘сын попа (священника)’. Гаврило Лукин (по-современному, Лукич), писец книги *Лих. 360*, называет себя в славянском колофоне именно «дьяконом», а не «дьяком», и точно так же, причем приписанным к Благовещенской кафедральной церкви и лично к епископу Филофею, именуется он в жалованной грамоте 1490 г. Ивана III. Совершенно очевидно, что он был в священном сане диакона.

Сказать то же о Гаврииле, читавшем рукопись с сочинениями Григория Синаита, проблематично: о нем мы из этой записи знаем, что он как будто бы «ушел в затворники» (если *нэблый* — это действительно ‘затворник’, а не просто ‘монах’) ¹⁴ в Спасо-Прилуцкий монастырь при игумене Михаиле. И здесь начинаются проблемы с отождествлением двух «кылдасей» Гавриилов: дело в том, что в Спасо-Прилуцком монастыре на сегодня известен лишь один игумен Михаил — в 1420-х — нач. 1450-х гг. [Рыков 1982: 95, прим. 2], то есть во время, близкое к созданию самой рукописи. Перечень известных игуменов Спасо-Прилуцкого монастыря далеко не полон, поэтому к концу XV — началу XVI в. действительно мог среди них появиться и Михаил, однако с 1517 по 1537 г. там игуменствовал Мисаил [Строев 1877: 737]. Что бы ни значило сходство имен *Мисаил* и *Михаил*, при Мисаиле — и ником ином, поскольку указан 1517 г., — Гаврило Кылдась, отец Васюка, еще не был в затворе, хотя уже был в более

владельцем из “Иерархии российской” и лишний раз удостоверяющие принадлежность рукописи [Сулакадзеу. — А. Г., В. П.]» [Рыбалка 2018: 301].

¹⁴ Так В. И. Лыткин переводит (*м/у/н*) *нэблыйё* со следующим комментарием: «Слово *нэблый* следует понимать как затворник, отшельник, ушедший от мирского соблазна в скит; ср. русские слова с корнем *бл.*: необлазный (не причастный соблазну, непорченный); блякала (бродяга, развратник)» (со ссылкой на «Словарь русских народных говоров») [Лыткин 1980: 15, прим. 1]. Этимологическое сближение двух этих «русских» слов не очень точно, однако возможное происхождение древнепермского *нэблыйё* в результате заимствования из славянского требует отдельного рассмотрения. Поначалу, в первой публикации 1962 г., В. И. Лыткин принимает версию А. С. Сидорова о том, что *Неблый* — это топоним, и, возможно, эта версия более предпочтительна. В спорном глаголе две буквы стерты, поэтому ни одно из чтений — (*м*)у(*н*)и ‘ушел’ или (*к*)у(*л*)и ‘умер’ — не имеет преимуществ перед другим. Но при принятии любого из них возникает другая проблема: А. С. Сидоров и В. И. Лыткин [Сидоров 1962: 181] эмендируют чтение предыдущего слова, предполагая там притяжательно-указательный суффикс *-ыс* (*виз'ис'ыс*, от *виз'ис'* ‘почитатель’), в то время как фактически там выписан показатель винительного падежа *-ёс* (*виз'ис'ёс*), который будет грамматически правильным, только если последующий глагол является переходным. Ни (*м*)у(*н*)и ‘ушел’, ни (*к*)у(*л*)и ‘умер’ этому условию не удовлетворяют.

высоком священном сане, правда монашеском, — иеромонаха, и не в Спасо-Прилуцком, а в Спасо-Каменном монастыре той же Вологодско-Пермской епархии, который отстоит от первого на 70 с лишним километров. Об этом свидетельствует запись (официальный колофон) того же Васюка на Псалтыри следованной 1517 г. (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 222): «...а писаны сие ψ(с)лмы у великω(г) чю(до)творца Никωлы на Лѣнѣ, на Вычегдѣ. п̄ввелѣние(мъ) г(с)дра мве(г) с̄ц̄нноіерѣа Герасима служителя всемл(с)тва(г) Сп(с)а на Каменнω(мъ). а в бы(в)ше(м) чину Га(в)рила. а писавы(и) сие ψ(с)лмы. азъ мно(г)грѣшны(и). и неключимы(и) ра(б) Васю(к) ω(т)ца мое(г) повелѣ(н)е(м) Герасима» [Беляков и др. 2013: 267—268]. Таким образом, отождествление друг с другом обоих Гавриилов довольно сомнительно.

Еще больше сомнений в отождествлении двух «кылдасей» Гавриилов вызывают различия в их почерках, которые на примере пяти букв приведены в табл. 1. Буквы даны в виде прорисей: из записей на книге с сочинения Григория Синаита были прорисованы все встретившиеся буквы, но лишь на последней странице (БАН, 17.9.11, л. 246 об.), без привлечения той записи, что была оставлена прямо на доске переплета, поскольку на имеющемся у нас фото она практически нечитаема¹⁵; из записей в *Лих. 360* были взяты все примеры хорошо сохранившихся букв, включая колофон с киноварным «аминь» и славянские маргиналии древнепермским письмом.

Таблица 1. Сравнение древнепермских букв в почерках записей на книгах с сочинениями Григория Синаита (ГС) и Исаака Сирина (ИС)

буква	ГС	ИС	Описание различий
z ан			В ГС буква пишется в два движения, с отрывом пера от бумаги, в ИС — в одно, без отрыва, так что в ГС форма выходит чаще F-образная, тогда как в ИС — более Z-образная.
и мэнō			Части буквы левая U-образная и правая I-образная в ГС соединены очень короткой горизонтальной засечкой, тогда как в ИС — при тщательном написании (четыре случая) более длинным горизонтальным штрихом, а при небрежном (два случая) без засечки, наклонным узлом.
ʀ, ʀ̄ шōй			Λ-образная часть буквы в ГС более плавная, а в ИС — угловатая. Верхняя петля в ГС пишется практически без изменения угла наклона пера, тогда как в ИС — с вращением пера, из-за чего часть этого элемента буквы сильно истончается, практически исчезая.
v нэнō			В ГС имеются ярко выраженные засечки в верхней части буквы с обеих сторон, а в ИС — только у правого, более тонкого, штриха.
φ бур			В ГС вертикальная черта над округлой нижней частью короткая, а в ИС — длинная.

Вполне очевидно, что записи обоих Гавриилов выполнены в рамках одной графической системы, поскольку формы и значения букв в них совпадают. Однако нет совпадения в самой манере письма, о чем говорят те детали, которые были проанализированы в табл. 1. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить, что они написаны разными писцами. Если совпадение их имен и звания (профессии) не случайность, а первый Гавриил действительно ушел в затвор в Спасо-Прилуцкий монастырь при игумене Михаиле в 1420-х — нач. 1450-х гг., то второй Гавриил, написавший *Лих. 360* в 1486 г., мог приходиться первому внуком или правнуком, поскольку древнерусской системе имянаречения было свойственно такого рода повторение имен внутри одной семьи¹⁶, но это предположение уже совсем гадательно.

¹⁵ Электронные фотокопии этих записей были любезно предоставлены нам Б. Н. Морозовым. Прорись записи на доске переплета, опубликованная В. И. Лыткиным в статье [Сидоров 1962: рис. 2], требует тщательной проверки *de visu* и особого режима съемки для повторного воспроизведения.

¹⁶ Этот вывод сделан на основе анализа данных имен в династии Рюриковичей, поскольку именно для нее источники донесли наибольшее количество информации, ср.: «Одним из главных принципов, которым руководство

Кроме древнепермских записей, в рукописи *Лих. 360* имеется еще по меньшей мере четыре славянских слова, написанных абуром: это поясняющие маргинальные глоссы к малопонятным и редким словам южнославянского по происхождению перевода «Постнических слов» Исаака Сирина (на левом поле л. 83 об. как будто бы имеется еще пятая глосса, но она сильно смазана, а потому нечитаема, кроме последней буквы «нэнѡ»). Выполнены они были тем же почерком, что и основные древнепермские записи, поэтому, скорее всего, также принадлежат писцу — Гавриле Кылдасю, так что имеет смысл опубликовать их в настоящем разделе. Итак, это следующие глоссы:

• *Лих. 360*, л. 66 об., левое поле (на уровне пятой строки снизу): [н?]агло (см. рис. 6) — обрезанная слева глосса к слову *сѣцъгло* в тексте.

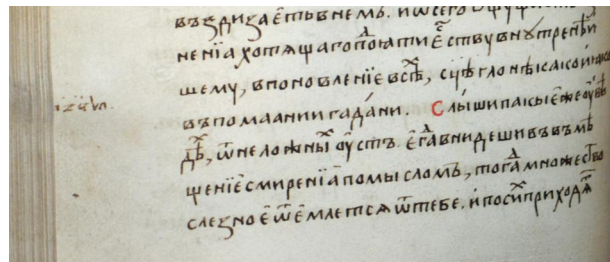

Рис. 6. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 66 об.

Глоссируемый контекст следующий: «и ѿ сего ѡщущаетъ измѣненіа хотащаго поѣати ѣству внѣтрєнѣи|шему, в поновленіе всѣх, *сѣцъгло* нѣкако и ѣко | въ помааніи гадани (= и от этого [ум] ощущает изменения от [Духа,] который хочет возвысить внутреннее естество для обновления всего, как-то *одиноко* и как бы в гадательном указании)». Над словом *сѣцъгло* стоит несколько точек — знаков сносок, которые также повторены над маргинальной глоссой. Наречием *сѣцъгло*, кроме церковнославянских текстов, известным только по сербохорватской форме *ѡдглі* ‘единственный, только’, а также древнерусской *чеглыи*, *чеклыи* ‘подлинный, настоящий’ и белорусской *чѡклыи* ‘настоящий, прямой, точь-в-точь’ [ЭССЯ, вып. 3: 176], в первой редакции церковнославянского перевода Исаака Сирина передано греческое *ἄμυδρῶς* ‘неясно, неотчетливо’ (в первой славянской редакции — Слово 12-е, во второй — 65-е; в современном издании греческого текста — также 12-е [Γσαῖκ τοῦ Σύρου 2012: 352₄₃]). Обычно церковнославянским прилагательным *цѣгль* и наречием *сѣцъгло* передавали греч. *μόνος* ‘один, единственный’ и *κατ’ ἰδίαν* ‘частным образом, особо, отдельно, в частности’ соответственно [SJS, t. IV: 832; СлРЯ XI—XVII в., вып. 29: 108—109], тогда как греч. *ἄμυδρῶς* вообще не зафиксировано в оригиналах древнейших славянских переводов (отсутствует в [RSI, t. I: 312—313]). В иных списках первой редакции славянского перевода «Постнических слов» Исаака Сирина — сербских по происхождению — представлены аналогичные формы: *сѣцъгло* (МДА 151.2¹⁷, л. 37 об.) и *сѣцъгло* (Погод. 72¹⁸, л. 46; Погод. 1029¹⁹, л. 23). Однако во второй редакции *сѣцъгло* заменено на более отвечающее греческому оригиналу *неяснѣ* (Тр. 172²⁰, л. 288; МДА 151.1²¹, л. 323; в МДА 151.2 напротив *сѣцъгло* на полях также позднее было дописано *неяснѣ*).

вались, выбирая имя, было наречение в честь умершего предка, чаще всего в честь предка по мужской линии. [...] Существовал строгий запрет на наречение именем отца, если тот был еще жив» [Литвина, Успенский 2006: 11—12]. О том, что этот принцип мог быть характерен не только для княжеского имянаречения, см. также [Успенский 2004: 883]. Конечно, мы ничего не знаем о принципах имянаречения коми XV века, но типологически эта параллель весьма важна: личное имя — в данном случае христианское — могло повторяться в роду, будучи значимым элементом родовой принадлежности, даже если этот род был отнюдь не княжеским.

¹⁷ РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 152.2. Сербский список «Постнических слов» Исаака Сирина первой четверти XIV в., происходящий с Афона [Гранстрем, Тихомиров 2007: 139, 145, 168, прим. 72].

¹⁸ РНБ, ф. 558 (Собрание М. П. Погодина), № 72. Сербский список «Постнических слов» Исаака Сирина второй четверти XIV в. (датировка В. М. Загребина) [Гранстрем, Тихомиров 2007: 139] или 60-х гг. XIV в. [Федотова 2001: 501].

¹⁹ РНБ, ф. 558 (Собрание М. П. Погодина), № 1029. Сербский список «Постнических слов» Исаака Сирина третьей четверти XIV в. [Гранстрем, Тихомиров 2007: 140] (у М. С. Федотовой ошибочно дается под номером «29» [Федотова 2001: 501—502]).

²⁰ РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 172. Среднеболгарский список «Постнических слов» Исаака Сирина 1380/81 г. [Гранстрем, Тихомиров 2007: 140] (указана ошибочная датировка 1389 г.).

²¹ РГБ, ф. 173.1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 152.1. Русский список «Постнических слов» Исаака Сирина первой трети XV в.

Толкование к форме *сцъгло*, данное писцом *Лих. 360* на полях древнепермскими буквами, было при позднейшем переплете обрезано, так что скорее по догадке (и потому, что ничто иное не подходит) его следует реконструировать как [н?]агло ‘быстро, внезапно’ [СлРЯ XI—XVII в., вып. 10: 48], что в целом может быть вычитано из общего смысла фразы.

• *Лих. 360*, л. 213, нижнее поле: **на корму** (см. рис. 7) — глосса (обрезанная по нижнему краю, но вполне читаемая) к словоформе *на колителствъ* в тексте.

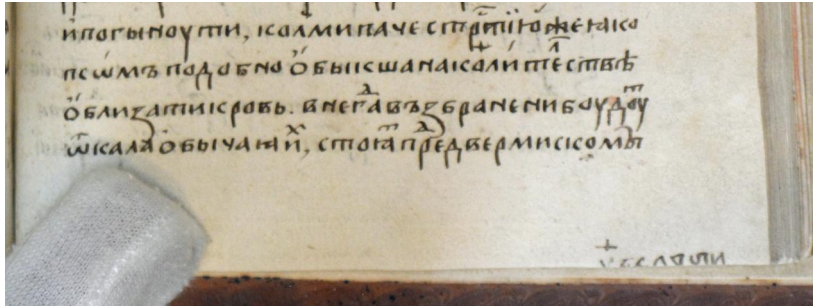

Рис. 7. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 213

Глоссируемый контекст следующий: «...ако | псѣмъ подобно ѓбыкша *на колитѣствъ* | ѓблизати кровь (= подобно псам, привыкшим лизать кровь *на скотобойне*)». Функцию знака сноски в данном случае выполняет крестик, связывающий словоформу *колителствъ* и пермскую глоссу на полях. Списки первой и второй редакций славянского перевода «Постнических слов» в данном случае различаются лишь морфемным составом этого слова: *на колитѣльствъ* (МДА 151.2, л. 194; *Погод. 1029*, л. 108), *на колитѣствъ* (*Погод. 72*, л. 208об.) и *на колитвъ* (*Тр. 172*, л. 161; МДА 151.1, л. 192 об.). Словарь знает только последнюю форму со значением ‘место заклания животных’ (и производную от нее — *колитвенный*), причем в единичных примерах [СлРЯ XI—XVII в., вып. 7: 241]. В греческом оригинале славянского перевода ей соответствует латинизм *μῆκελλον* ‘бойня, мясной рынок’ (в первой славянской редакции — Слово 77-е, во второй — 44-е; в современном издании греческого текста — 58-е [Γσαῖκ τοῦ Σύρου 2012: 710₆₂]). Не зная точного значения слова *колительство*, писец по контексту предположил, что имеется в виду некое место кормления, поэтому оставил на полях глоссу *на корму* в древнепермской графике.

• *Лих. 360*, л. 215, на верхнем поле: **всегда** (см. рис. 8) — глосса, чуть обрезанная по верхнему краю, к слову *бъшию* в тексте.

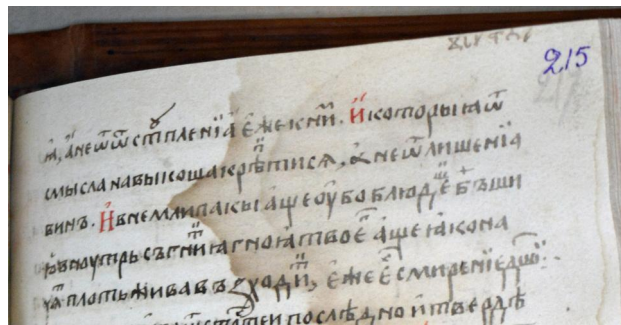

Рис. 8. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 215

Глоссируемый контекст следующий: «И **внемли** паки **аще оубо блюде^ѣ *бъшию*** вноу^ѣтръ сѣгнѣа гноѣ твоѣ... (= и снова послушай, наблюдаешь ли ты совершенно внутри гниения язвы твоей...).» Функцию знака сноски здесь также выполняет крестик (сохранился лишь в тексте). Редкий южнославянизм *бъшиѣ* ‘совсем, безусловно, вообще’ [SJS, t. I: 150—151], известный и более поздней церковнославянской книжности, в том числе бытовавшей в русских списках в форме *бошию* (*бъшию*) ‘современно, совсем, окончательно’ [СлРЯ XI—XVII вв., вып. 1: 306], традиционно передает здесь греческое наречие *παντελῶς* ‘полностью, вполне, совершенно, окончательно’ (в первой славянской редакции — Слово 78-е, во второй — 45-е; в современном издании греческого текста — 59-е [Γσαῖκ τοῦ Σύρου 2012: 714₂₂]). Ранние сербские списки первой редакции также содержат это слово, правда, в специфически сербской орфографической форме *бъшию* (МДА 151.2, л. 195 об.; *Погод. 72*, л. 210 об.; *Погод. 1029*, л. 109). Однако во второй редакции это место подвергается правке и читается уже как «и **вънемли** паки · **аще оубо** зрѣши *всѣконечнѣ* вънатрѣ сѣгнѣа стрѣпа твоѣго» (*Тр. 172*, л. 162 об.); *всѣконечнѣ* вместо *бъшию* также

в русских списках (МДА 151.1, л. 194 об.). Если слово *бъшию* вызывало затруднения даже у южнославянских книжников, которые заменили его на более понятное, то сомнения книжника восточнославянского тем паче обоснованы: писец рукописи *Лих. 360* подобрал для него не совсем точный, но семантически вполне объяснимый эквивалент *всегда*²², который был записан на полях в виде глоссы древнепермскими буквами.

• *Лих. 360*, л. 217 об., на левом поле, вертикально: *помышляёт* (см. рис. 9) — глосса к слову *козньствоует* в тексте.

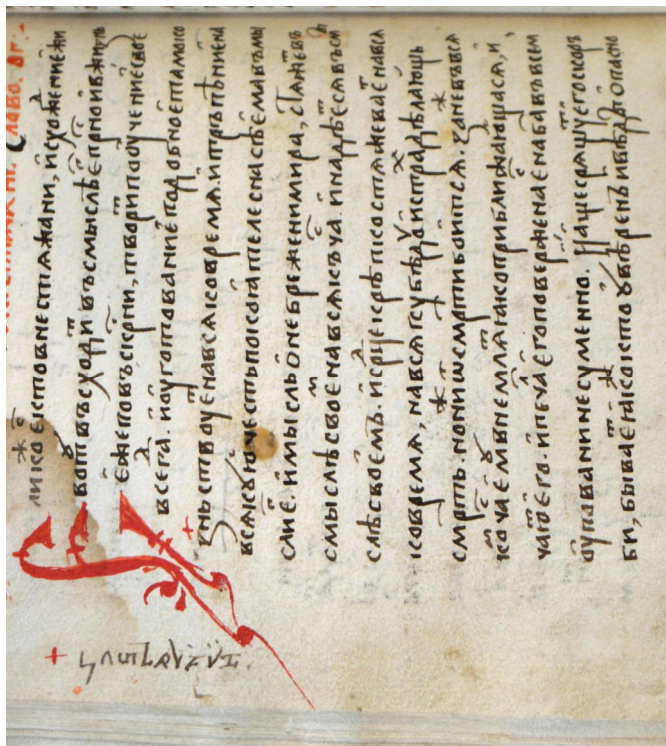

Рис. 9. СПб ИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 217 об.

Глоссируемый контекст следующий: «Слѣко ꙗко кто в нестѣжани [...] творѣ поучениѣ свое | всега. ѡ оуготованиѣ подобноѣ тамо *козньствоует* на всако время (= Насколько тот, кто находится в нестяжательстве, [...] размышляет сам всегда и *достигает* соответствующей готовности во всякое время)». Глагол *къзньствовати* в обеих редакциях перевода «Постнических поучений» (*къзньствоуютъ* МДА 151.2, л. 198 об.; *Погод. 72*, л. 212 об.; *Погод. 1029*, л. 110 об.; *къзньствоветь* *Тр. 172*, л. 188; *козньствоветь* МДА 151.1, л. 223 об.) соответствует греческому $\mu\lambda\chi\alpha\acute{\nu}\omega$, имеющему множество значений (основное прямое — ‘делать, изготавливать’), так что выражение *оуготованиѣ къзньствоуютъ* ($\acute{\epsilon}\tau\omicron\mu\alpha\sigma\iota\alpha\nu\ \mu\lambda\chi\alpha\acute{\nu}\tau\alpha\iota$, в первой славянской редакции — Слово 79-е, во второй — 51-е; в современном издании греческого текста — 65-е [Γσαΐκ τοῦ Σύρου 2012: 765₃₋₄]) можно перевести как ‘готовится’. Однако писца, видимо, не устроило то, что в восточнославянском узусе глагол *козньствовати*, кроме нейтрального ‘заниматься ремеслом’, имел и значение с негативными коннотациями — ‘строить козни, замысливать зло’ [СлРЯ XI—XVII в., вып. 7: 227], поэтому он глоссировал его древнепермскими буквами на полях словом *помышляет*, что в целом правильно (нейтральное значение ‘замысливать, изобретать что-либо’ также фиксируется у него словарями [СДРЯ XI—XIV вв., т. 4: 351—352]).

3. Древнепермские записи в библейских книгах из библиотеки Иосифа Волоцкого кон. XV в.

В собрании Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) отдела рукописей Российской государственной библиотеки хранятся два кодекса, содержащие церковнославянские переводы ветхозаветных книг с Вульгаты — за исключением старшего перевода книги Есфирь, к которому новый перевод с латыни был присоединен позже (старший церковнославянский перевод книги Есфири, известный в списках

²² Именно эта глосса оказалась предметом фантазий сыктывкарского журналиста (см. выше в цитате из [Артев 2007]). Естественно, сокращения типа *всегда* для *всемоуций Господь* не были приняты в славянской книжности, пусть и в древнепермской графике.

начиная с конца XIV в., был сделан с некоего еврейского текста — причем до сих пор точно неизвестно, собственно древнееврейского, т. е. Масоретского, или с его буквального перевода на греческий, — тогда как в Геннадиевской Библии к этому старшему переводу были добавлены главы, переведенные впервые на церковнославянский с Вульгаты). Эти переводы были выполнены в кружке новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) в 1480—90-е гг. и вошли в состав знаменитой Геннадиевской Библии — первого полного библейского свода на церковнославянском языке (известного по старшей рукописи 1499 г.: Государственный исторический музей (Москва), Син. 915):

ф. 113, № 9 (далее *Волок. 9*), лл. I—II, 285 + чистый 126а — 1-я и 2-я Паралипоменон, Иудифь, Есфирь, книга Премудрости Соломона и 1—25, 46—52 главы книги пророка Иеремии;

ф. 113, № 11 (далее *Волок. 11*), лл. I—II, 271 + чистый 265а — 1-я Ездры, Неемии, 2-я и 3-я Ездры, Товит, 1-я и 2-я Маккавейские, 45 и 46 главы Книги пророка Иезекииля.

Оба кодекса составлены из нескольких комплектов тетрадей одного времени и формата (4°, 21×14,5 см). Они были описаны В. А. Ромодановской [Ромодановская 2000: 10—12]. Однако это описание содержит некоторые неточности (например, в идентификации водяных знаков бумаги, а также в датировке переплета), а при наличии в нем всех писцовых записей совершенно обойдены вниманием две интересующих нас древнепермских записи, которые, по-видимому, были сделаны на защитных листах при переплете обоих томов. В связи с этим необходима уточняющая кодикологическая информация.

Водяной знак в *Волок. 9* один — «Колесо» (напр., на лл. 265, 267, подобный *Br.*, № 13441, 1483—92 г.)²³, в *Волок. 11* — то же «Колесо» (напр., лл. 1, 2/3, 8) и «Готическая буква Р» (напр., л. 250/257, 243/248, подобный *Picc.-IV*, IX, № 2, 1503 г.)²⁴. Также оба кодекса переплетены одним способом — «в затылок», то есть «доски в размер блока и кусок кожи, покрывающий корень и доски на одну треть или около этого, без заворотов на внутреннюю сторону досок» [Круглов 2017: 203], на *Волок. 9* имеются застёжки самого простого типа: «деревянные спицы на лицевой поверхности верхней доски и ремень с прорезью-петлицей на нижней» [там же] (фактически это лишь заготовка полноценного переплета, которая должна была обтягиваться цельным куском кожи, получать застёжки, украшаться тиснением и жуковинами). Если написание самих тетрадей можно датировать 1480—90-ми гг. (а точнее, по внешним данным, — после 1 августа 1493 г., когда монахом-доминиканцем Вениамином был завершён перевод библейских книг с Вульгаты на церковнославянский, о чем см. [Ромодановская 2001: 278]), то время переплета также устанавливается по водяным знакам защитных переплетных листов, и оно фактически то же; водяной знак на них — «Голова быка» (*Волок. 9*, л. I²⁵, *Волок. 11*, лл. I, II, близкий *Picc.-II*, X, № 482 и 483 (1485—90 гг.))²⁶.

Комплекты тетрадей существовали, по-видимому, сначала отдельно, поскольку в обоих кодексах имеются соответствующие п и с ц о в ы е з а п и с и, из которых важны прежде всего две: «написа̑ кѣзмица златаѣской паралипоменѣ первыѣ» (*Волок. 9*, л. 56 об.), — из нее можно узнать имя писца, не фигурирующее среди имен писцов основного, полного, списка Геннадиевской Библии 1499 г.²⁷; «сѣ̑ тѣрати писаны на йѡсиѡа на волокъ | а̑ в сѣ̑ тетратѣ̑, йѣдѣ̑, ѣсѣ̑, прѣддрость солммона» (*Волок. 9*, л. 210 об.), — а здесь сообщается о том, что комплект тетрадей был прислан специально Иосифу Волоцкому в его

²³ Для него В. А. Ромодановская указывает только тип — *Неав.*, № 4030 (1460 г.).

²⁴ В. А. Ромодановская соотносит его со знаком *Br.*, № 8629 (1495—98 гг.), который хотя и ближе по датировке к предполагаемому времени написания рукописи, однако не может быть признан близким знаком, содержащемуся в ней.

²⁵ Перед л. I в *Волок. 9* есть еще один защитный лист, непронумерованный, но бумаги явно позднего происхождения, машинного отлива, без водяных знаков и штемпелей (не ранее нач. XIX в.).

²⁶ В. А. Ромодановская пишет лишь, что переплет «старый (XVI в.)», однако не сообщает, на основании каких данных это было установлено. Анализ филиграней защитных листов, использовавшихся при переплете, позволяет сделать это более точно: водяной знак с них исследовательница не рассматривает, по меньшей мере не упоминает о нем в описании рукописи *Волок. 11*.

²⁷ Кузмица (Кузьма) Златоустский имеет прозвище того же типа, что эти писцы: Василь Иерусалимский, Гридя Исповедникий и Климент Архангельский, — то есть по названию церкви, освященных в честь свт. Иоанна Златоуста, Входа Господня в Иерусалим, Исповедников (без уточнения имён, см. ниже) и св. Архангела Михаила соответственно. Ничего более об этих писцах не известно. Согласно «Семисоборной росписи», составленной между 1468 и 1508 гг. [Янин 1976: 108—109], в Новгороде действительно были церкви с такими названиями: в Детинце, относящиеся к Софийскому соборному участку, — «Исповедники» («у переднее стены с Владычня двора»), «да у Владычня двора Златоуст на воротех», «Вход в Иерусалим» («за Владычным двором на Бувечици»), соборная церковь «на Прусской улице Архангел Михаил» [там же: 111]; кроме того, в том же Михайловском соборном участке была церковь «Иван Златоуст в Околотке» [там же: 112], а в Успенском соборном участке, на Торговой стороне, «на Михайлове улице Собор архангела Михаила» [там же: 114].

монастырь, то есть обе рукописи, *Волок. 9* и *Волок. 11*, появились в Иосифо-Волоколамском монастыре еще при его основателе и хранились в нем все последующее время (упоминаются, судя по всему, в описях библиотеки монастыря 1545 и 1573 гг., причем в том же переплете «в затылок» [Ромодановская 2000: 11]) вплоть до 1859 г., когда рукописные книги были переданы из него в Московскую духовную академию [Иосиф 1882: I]. Оба тома написаны одним почерком, который В. А. Ромодановская характеризует как особый мелкий новгородский полуустав рубежа XV—XVI вв., типичный и для других рукописей, вышедших из Геннадиевского переводческого кружка [Ромодановская 2000: 8], и заключает, что «[и]дентичность почерка, первоначальное существование в тетрадных блоках и состав рукописей РГБ, ф. 113, № 9 и 11 позволяют рассматривать их как два тома переведенных в Новгороде текстов Вульгаты XV в., единственный на сегодняшний день самостоятельный список, современный самому переводу» [там же: 12].

Записи пермской азбукой в обеих рукописях упоминаются и приводятся в русской транскрипции в машинописной описи собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, правда, квалифицируются там как «тайнопись»: «На л. 285об. з а п и с ь пермской азбукой (тайнописью), в русской транскрипции читается так: “Атанебог Паралипоменон гижом амин”» и «На л. 271об. [...] тайнописью запись (пермской азбукой), которая читается в русской транскрипции: “Атанебог Ездра”» [Тиганова и др. 1972: 5, 6]. Обе записи находятся, судя по всему, на листах основных тетрадей, а не тех, что были добавлены при переплете: хотя на них нет водяных знаков, вержеры и понтюзо соответствуют в них бумаге со знаком «Колесо», и само их расположение говорит о принадлежности к основным тетрадам (в *Волок. 9* л. 285 об. подклеен к шестому листу последней тетради кодекса, после чего она обрывается, а на втором листе, который должен быть частью седьмого, также нет водяного знака, то есть л. 285 об. вполне мог быть седьмым в этой последней тетради, при этом восьмой утрачен; в *Волок. 11* с л. 271 об., который в настоящее время выпадает из книжного блока, ситуация ровно такая же).

Таким образом, пермские записи могли быть сделаны уже самим писцом, еще до создания переплета, который, впрочем, не сильно младше самих тетрадей. Учитывая, что порядок тетрадей был несколько перепутан при переплете, скорее всего, последний делался уже в отрыве от того книгописного центра, где был осуществлен перевод ветхозаветных книг с Вульгаты, то есть предположительно Геннадиевского кружка при Владычнем дворе в новгородском Детинце, где, в частности, располагалась надвратная церковь Иоанна Златоуста, в которой, вероятно, служил писец *Волок. 9* и *Волок. 11* Кузьмица Златоустский.

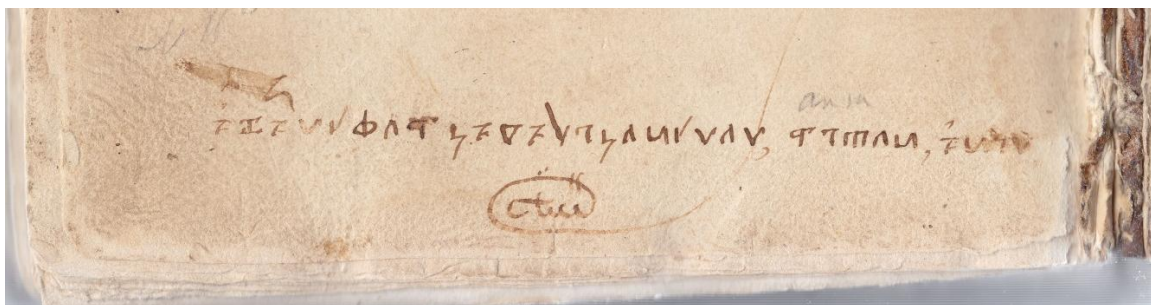

Рис. 10. РГБ, Волок. 9, л. 285 об.

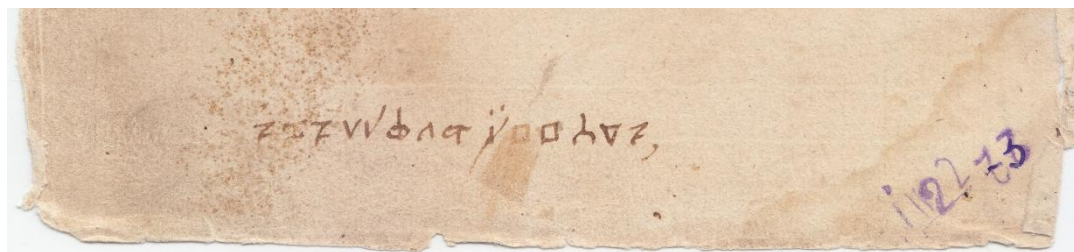

Рис. 11. РГБ, Волок. 11, л. 271 об.

На рис. 10 и рис. 11 мы публикуем фотографии обеих пермских записей, которые в кириллической транслитерации выглядят следующим образом (с древнепермской реконструкцией и переводом ниже):

Волок. 9, л. 285 об.: *ата небог паралипоменон, гижом, амин*

Транскрипция и перевод:

ata nebog paral'ipomenon gižem amin

‘Вот это книгу Паралипоменон написал, аминь’.

Волок. 11, л. 271 об.: **ата небог ёздра,**
Транскрипция и перевод:
ata hebeg ezzdra
'Вот это книга Ездра'.

Кроме этих двух записей, в *Волок. 11* имеются также две глоссы со странными знаками, которые относятся к слову *инь* — передаче лат. *hin* (из др.-евр. *hîn* 'мера объема жидкости') в книге пророка Иезекииля:

Иез 45:24 (лл. 267 об.—268): «и жрътвѸ || ёфи за телець: и ефи за ѡвна сътво|рѧ и ѡлѧ иѣ по ёдина ёфи» — и глосса: «*ѣ* и *ѣ* мѣра | трѣа чѧ ёфи» (см. рис. 12; глоссируемое слово и первое слово в маргинальной глоссе выделены специальными знаками сноски — повторяющимися спиритусами);

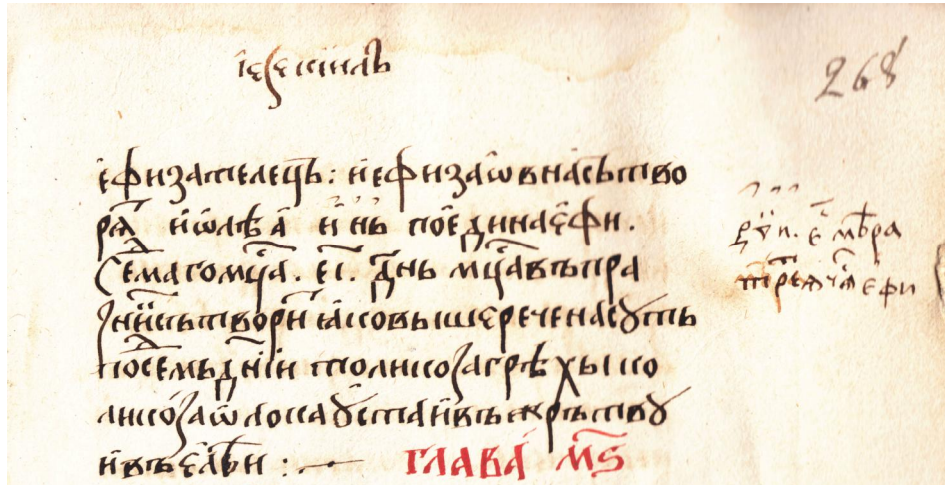

Рис. 12. РГБ, Волок. 11, л. 268

Иез 46:5 (лл. 268 об.): «и жертвѸ ёфи за ѡвна. въ агнь|цѣ жрътвѸ въздаѸ рѣцѣ ёго: | и ѡлѧ иѣ по ёдинѸ ефи» — и глосса того же содержания, но с несколько модифицированным первым знаком: «*ѣ* и *ѣ* | трѣа часть | ёфи» (см. рис. 13).

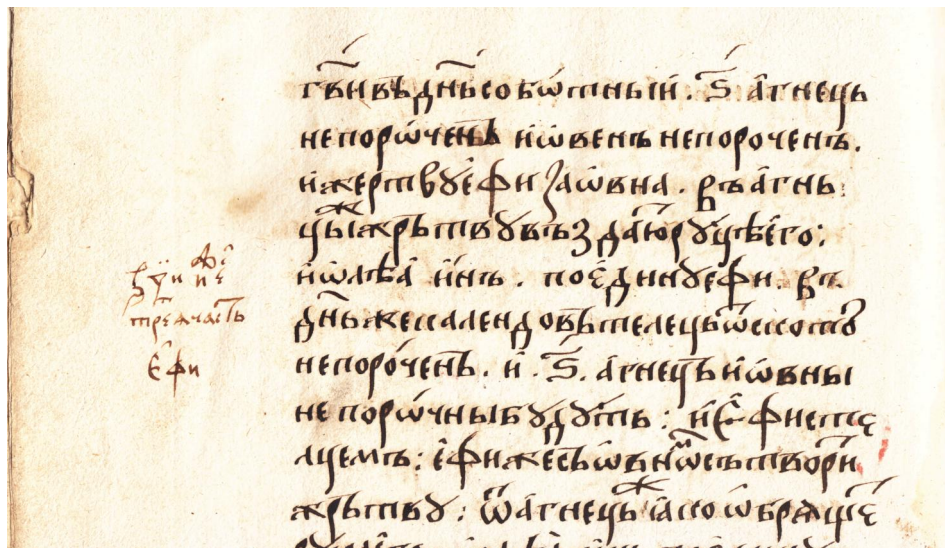

Рис. 13. РГБ, Волок. 11, л. 268 об.

Средние знаки внутри однотипных написаний, вводящих маргинальные глоссы, могут быть интерпретированы только как древнепермские, причем с двумя точками (или кендемой) сверху, однако двумя способами:

1) как буква «рэй», и тогда третий знак совпадает по начертанию и с кириллической «и восьмеричной», и с древнепермской буквой «у»; однако первый знак, который в глоссе к Иез 45:24 выглядит как *ѣ*, а к Иез 46:5 — как *ѣ*, интерпретировать в качестве древнепермского проблематично, в том числе из-за его вариативности, — и тогда объяснение всему этому слову (если это действительно слово) такое: в двух маргинальных глоссах писец использовал смесь кириллицы с пермской азбукой; первый, наиболее

проблемный, знак — лигатура, составленная из кириллических букв «З» (во втором случае — наподобие греческой скорописной ζ) и «Р», второй — пермская буква «рэй», третий — кириллическая «И», и, таким образом, все это слово читается как *зрри*, то есть «зри»²⁸;

2) как буква «и», над которой появление кендемы более естественно, чем над согласной; в таком случае первый и третий знаки можно интерпретировать не как кириллицу, а как латиницу: первый — «h» (правда, весьма причудливой формы), третий — вполне нормальное «n», — и тогда все слово, написанное на смеси латиницы и пермской азбуки, передает непосредственно латинское написание *hin* (возможно, писец вставил пермскую букву не ради тайнописи, а ради безошибочного чтения, чтобы случайно не перепутать латинское написание *in с m*).

Как бы, однако, ни интерпретировать аномальные написания на полях *Волок. 11*, в них со всей очевидностью присутствует по меньшей мере одна древнепермская буква. Поскольку все маргинальные глоссы переведенных в Геннадиевском кружке с Вульгаты библейских книг являются неотъемлемой частью этих переводов и писались одновременно с основным текстом, можно смело утверждать, что новгородский писец Кузьмица Златоустский использовал пермскую азбуку и, по всей вероятности, ему же принадлежат и пермские записи в конце обоих кодексов.

Кроме того, под древнепермской записью в *Волок. 9* (см. рис. 10) имеется еще некая приписка, которая на первый взгляд производит впечатление выполненной латинскими курсивными буквами в виде монограммы. По нашей просьбе несколько коллег, специализирующихся в средневековой латинской палеографии, рассмотрели эту запись и высказали следующие догадки о ее содержании: 1) В. И. Мажуга и Г. М. Воробьев прочли здесь *clici* — сокращенное указание на то, кому предназначен заново подготовленный библейский текст: *cl(er)ici(s)* ‘клирикам’, т. е. людям духовного звания; 2) Е. В. Казбекова предположила, что это *elcii*, и так могло быть зашифровано латинское название библейской книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова — *Ecclesiasticus*, однако стандартное ее сокращение *eccl*, а не *elcii* (кроме того, заметим, что эта книга уже была известна в раннем славянском переводе с греческого, который и вошел в Геннадиевскую Библию: заново с латыни она не переводилась и не сверялась с Вульгатой).

Однако возможно прочесть эту монограмму и как кириллическое *амин(ь)* (на чем настаивали, например, А. А. Турилов и Л. В. Мошкова во время обсуждения представленного здесь материала на нашем докладе на заседании Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ ВШЭ 15 февраля 2021 г.); правда, начертания кириллических букв здесь не очень типичны для конца XV — начала XVI вв., и во время второго публичного обсуждения этих записей, на Историко-филологических чтениях в Великом Новгороде 6 августа 2021 г., часть коллег, в частности П. В. Лукин, склонялись к тому, что монограмма была выполнена все же латинскими буквами, а не кириллическими.

Что бы эта монограмма ни значила, если она действительно была выполнена латинскими буквами, то это очередное свидетельство участия западноевропейских книжников в библейском проекте архиепископа Геннадия: вероятно, один из них и оставил ее (в качестве своего удостоверительного автографа?) на тетради, которая была послана Иосифу Волоцкому.

4. Древнепермское слово во вкладной записи усть-вымского списка Ареопагитик епископа Питирима сер. XV в.

Проверка кочующих по литературе сведений, введенных в научный оборот еще в середине XIX в., может дать неожиданные результаты и сейчас. Именно так произошло с информацией о записанном древнепермскими буквами слове, которое прежде относили к случаям использования абура в качестве тайнописи. Описывая древнерусскую рукопись XV в. со славянским переводом творений псевдо-Дионисия Ареопагита из собрания московского купца-старообрядца И. Н. Царского (№ 48), П. М. Строев обнаружил в ней полистную запись («скрепу» — как в случае с рукописью *Лих. 360*, описанном в разделе 2) «почерком» XVI века», повествующую о том, что эта книга была вложена в церковь Благовещения в Усть-Выми Питиримом, четвертым епископом Пермским, канонизированным впоследствии в чине священномученика за принятие мученической кончины от язычников «вогуличей» (вогулов, манси). В конце «скрепы» П. М. Строев отметил «пять букв пермской азбуки, кажется, *аминь*» [Строев 1848: 25]. Собрание И. Н. Царского было приобретено графом А. С. Уваровым и уже в составе собрания Уварова описано архим. Леонидом (Кавелиным), который лишь повторил формулировку П. М. Строева:

²⁸ При этом немаловажно, что маргинальная помета *зри*, записанная древнепермскими буквами (однако только ими, без смешения с кириллицей), в большом количестве встречается в славяно-русских рукописных книгах конца XV в. [Лыткин 1952: 76—86], многие из которых были отождествлены как рукописи, созданные представителями так называемой ереси «жидовствующих».

«за тем пять букв пермской азбуки, кажется, аминъ» [Леонид 1893: 101, № 162], — и в итоге она попала в книгу В. И. Лыткина, причем в раздел «Русские тексты, написанные древнепермской азбукой» [Лыткин 1952: 83].

На поверку оказалось, что «пять букв пермской азбуки» — это не «аминъ», а запись на древнепермском языке. Публикуем ее полностью в виде фотокопий (см. рис. 14), для того чтобы судить о почерке кириллической части и о форме букв древнепермской приписки.

В настоящее время рукопись *Увар. 264-1°* хранится в собрании А. С. Уварова Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея в Москве (ГИМ). По содержанию это сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита (Ареопагитики²⁹: лл. 1—288, текст в один и два столбца, беглый полуустав нескольких рук) с дописанными в конец главами из Юстиниановых законных книг (лл. 288об.—300об., текст в два столбца, полуустав нескольких рук). Рукопись реставрировалась в XVII в., так что лл. I—II, 1 содержат восполнение начала Ареопагитик с предисловием, заглавием и кратким оглавлением, написанное поздним почерком на бумаге второй четверти XVII в. (на л. I и 1 имеется водяной знак «Кувшинчик» — парные знаки одного типа (литеры G/RO внутри, детали и размеры не совпадают): *Дианова-«Кувшин»*, № 297, 1644 г.). Переплет XIX в. (доски в светлой коже с тиснением, застежки утрачены, на корешке золотое тиснение «264», «ДЕОНИСИЯ АРЕПОЙГТА»), бумага защитных листов переплета (русская голубая) имеет литеры «УФ» и «НКГ» и белую дату «[18]38». Бумага основного книжного блока (лл. 2—300) имеет водяные знаки одного типа «Три горы», парные, близкие знаку *Рисс.-XVI, IV, № 1591—92* (оба из одной книги 1452 г.).

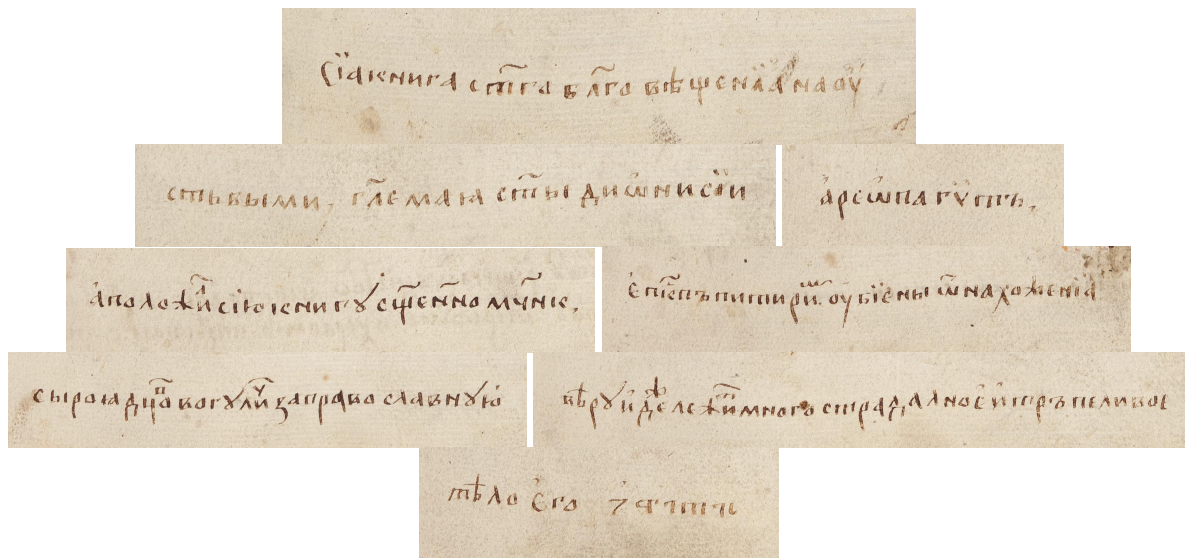

Рис. 14. ГИМ, Увар. 264-1°, л. 23—30

Содержание записи (см. рис. 14) следующее:

Увар. 264-1° (л. 23) Сѣа книга с(ва)т(а)го Бл(а)говѣщенѣа [sic!] на Оѣ|| (л. 24) стьвьими, гл(а)големаѣа с(ва)ты Диѡнисїи || (л. 25) Арѣѡпагѣтъ, || (л. 26) ѡ положил сїю книгѣ с(ва)щенном(у)ч(е)н(и)к, ||

²⁹ Как один из ранних списков славянских Ареопагитик, рукопись *Увар. 264-1°* была учтена Г. М. Прохоровым, причем как один из двух самых ранних — наряду с РГБ, МДА 144 — русских списков, правда, в одном месте она датирована у него (без упоминания водяных знаков) первой половиной XV в. [Прохоров 1987: 49, 50, прим. 79], а в другом — также вместе с МДА 144 — уже приблизительно серединой XV в. [там же: 55]. Видимо, лишь первой датировке Г. М. Прохорова доверился В. В. Мильков, выбравший именно этот список для наборного издания славянского перевода Ареопагитик (также без ссылок на какое-либо исследование водяных знаков бумаги), и в этом издании *Увар. 264-1°* «датируется первой половиной XV столетия. Данная рукопись — древнейшая в группе собственно русских списков Ареопагитик» [Макаров и др. 2002: 83]. Опубликованный им совместно с А. А. Смирновой текст «лист в лист, столбец в столбец, строка в строку, с делением на слова пробелами» содержит и интересующую нас полистную запись, разбитую также по отдельным листам в виде сносок внизу страниц, но без каких-либо примечаний об отличиях в почерке и предположений о времени ее появления в книге [там же: 125, 127, 129, 131 и 133]. Более того, публикаторы воздержались от квалификации последнего слова этой записи как написанного древнепермскими буквами, воспроизведя его там же в сноске в перерисованном виде, причем неточно, без спиритуса над первой буквой: «Далее зашифрованное слово из пяти знаков — ѳѳѳѳѳ» [там же: 133, прим. 82].

(л. 27) ѣп(и)ск(о)пъ Пйтирим. оубіены от нахоженіа || (л. 28) сыроадцов во҃длич за православнѣю ||
 (л. 29) вѣрѣ идеж(е) лежит многострадалноѣ ѣ трѣпеливое || (л. 30) тѣло єго [пермскими буквами] ѣ гижис

Транскрипция и перевод пермской приписки:

i gižis

‘И написал’.

Епископ Пермский Птирим, по данным множества письменных источников, действительно был убит вогулами. Это прежде всего сообщение нескольких летописей (Новгородской 4-й, Софийской 1-й и 2-й, Воскресенской, Архангелогородского летописца — Устюжского летописного свода): «Въ лѣто 6963 (1455) убіень отъ вогуличъ (гогуличъ) владыка пермскій Птиримъ» (формулировка, примерно сведенная И. А. Шляпкиным по нескольким летописным известиям) [Шляпкин 1894: 140—141]. Указанные летописные записи, а также сообщение позднее открытой Вычегодско-Вымской летописи [Доронин 1958: 261—262] дают лишь год убийства Птирима — 6963-й, однако И. А. Шляпкин без точных ссылок на источники приводит «общепринятую» дату — 19 августа (это день церковной памяти святого по Юлианскому календарю), тогда как в Житии Птирима указано 15 августа, в чем тот же И. А. Шляпкин сомневается, считая более достоверной первую дату [Шляпкин 1894: 141]. В любом случае август 6963 года пересчитывается в 1455 г. от Р. Х., и этой датировке не противоречит возраст бумаги (водяной знак, зафиксированный, правда единственный раз, в 1452 г.), на которой был написан текст Ареопагитик в рукописи *Увар. 264-1*^o. Поскольку Птирим постоянно находился в разъездах, в том числе в Москве³⁰, книга могла быть привезена им в Усть-Вымь, а не написана на месте, но факт ее вклада в кафедральную Благовещенскую церковь Птиримом, где тот и был погребен после мученической кончины, вполне достоверно засвидетельствован полистной записью (известна она и исследователям творческого наследия Птирима, который сам был ученым книжником и церковным писателем, автором одной из редакций Жития митрополита Алексея Московского и служб на его память и обретение мощей [Буланин 1989: 194]).

Время внесения вкладной записи, сделанной, конечно, после смерти и погребения епископа Птирима, можно установить лишь по данным палеографии. Почерк основной, кириллической, части этой записи относится к кон. XV — нач. XVI в., поскольку в надстрочном написании используется уже «в квадратное», а грецизированных написаний букв «е», «з» и «л» уже нет³¹. Древнепермская приписка выполнена, похоже, более светлыми чернилами, а потому может принадлежать иному писцу. Поскольку же она не содержит цельнооформленного высказывания и явно не дописана, ничего более определенно о времени ее появления в конце вкладной записи сказать нельзя.

5. Лингвистическая характеристика древнепермских записей

Рассматриваемые в настоящей статье древнепермские записи с графической, фонетической, грамматической и лексической точки зрения в основном репрезентируют ту же самую языковую систему, которая представлена в других древнепермских текстах, наиболее полные результаты изучения которых представлены в известной монографии В. И. Лыткина [Лыткин 1952]. Тем не менее необходимо обратить внимание на некоторые важные особенности, которые в ранее изучавшихся текстах не обнаружались или были засвидетельствованы недостаточно.

5.1. Графические особенности

Большой интерес представляет последовательное различие с помощью диакритики графической репрезентации согласных *Ṙ š* и *Ṙ ś*, которая засвидетельствована в *Лих. 360*, лл. 6, 58, 59, 60. Ранее такой графический прием был известен главным образом по приписке Васюка Кылдасева (иначе Кылдашева) в Номоканоне 1510 г. и по очень редким случаям употребления в других текстах [Лыткин 1952: 26—27]. По-видимому, в новых записях имеется еще один случай аналогичного обозначения палатальности через диакритику в слове *ṘṘṘṘ atih Волок. 9*, л. 285 об., но в общем такое обозначение палатальности других согласных, кроме *ś*, для рассматриваемых памятников не является характерным; ср. повсеместное отсутствие диакритики над *Ṙ* при написании слова *ṘṘṘṘ ṘṘṘṘ Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лих. 360*, лл. 6, 58, 60.

³⁰ В 1447—48 г. Птирим находился в Москве на соборе, который избрал митрополитом Киевским и всея Руси Иону [Буланин 1989: 193]; в 1451/52 г. по дороге в Москву его захватил Дмитрий Шемяка и заточил в Великом Устюге, откуда Птирим был освобожден в следующем году Василием Темным, захватившим Устюг [Доронин 1958: 261].

³¹ Благодарим за палеографическую консультацию Т. В. Анисимову.

5.2. Фонетические особенности

Древнепермская система гласных была сложнее, чем системы гласных, представленные в современных коми диалектах, и по существу совпадала с системой, реконструируемой для пракоми состояния [Лыткин 1952: 88—95]. Основное отличие древнепермской системы от современных коми-зырянской и коми-пермяцкой заключалось в наличии в ней противопоставления гласных среднего подъема *e*, *o* и средне-верхнего подъема *ɛ*, *ɔ*, которые в современных коми диалектах по большей части попарно совпали. При этом древнепермская графическая система была дефектной в части обозначения гласных. Фактически она позволяла последовательно записывать *e* и *ɛ* с помощью специальных букв **Р** и **Б**, из которых последняя, хотя и присутствует уже в наиболее старых из известных нам древнепермских текстов (которые, однако, все моложе времени создания письменности), по-видимому, в первоначальном варианте древнепермского алфавита отсутствовала и была добавлена позднее, явившись адаптацией кириллической буквы «б». В изучаемых записях буква **Б** встречается только при написании слова *veža* ‘святой’ *Егор.* 326, л. 359 об.; *Лух.* 360, лл. 6, 58. Что касается гласных *o* и *ɔ*, то употреблявшиеся для их обозначения буквы **П** и **Р** были полифоничны. Буква **П** наряду с *o* могла обозначать гласный *ɛ* (или *ɔ*; в современных коми диалектах встречается как неогубленное, так реже и огубленное произношение этого гласного среднего ряда среднего подъема; древнепермская реализация остается под вопросом, но типологические соображения указывают скорее на то, что она была неогубленной). Буква **Р** наряду с *ɔ* могла обозначать гласный *u*. В изучаемых записях нет ни одного слова, где ожидался бы гласный звук *ɔ*, поэтому примеры использования буквы **Р** для передачи звука *ɔ* отсутствуют. Поскольку использование буквы **Б** в слове *veža* ‘святой’, которое всегда записывается в виде сокращения под титлом, могло быть традиционным, мы не можем быть уверенными, что во время написания текстов древнепермская система гласных еще не эволюционировала в современную коми-зырянскую.

Изученные записи представляют также интересные данные о произношении гласного среднего ряда среднего подъема, который в древнепермской графике обычно обозначался (наряду с гласным *o*) с помощью буквы **П**. Несмотря на отсутствие для него специальной буквы, в языковой системе XIV—XVI вв. этот звук не мог не присутствовать, так как все современные варианты коми языка его сохраняют. В современных коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках и большинстве их диалектов, кроме верхневычегодского и ижемского диалектов коми-зырянского языка, он произносится как неогубленный *e*. В верхневычегодском и ижемском диалектах это огубленный *ɔ*, который, однако, сохраняется только в первом слоге, а в непервых слогах он превратился в *e*. Например, оба литературных языка и большинство диалектов имеют *šelem* ‘сердце’, *meɾes* ‘грудь’, но в верхневычегодском и ижемском *šolem*, *mores*. Такому развитию, видимо, способствовало то, что пермские языки в общем демонстрируют тенденцию к избеганию огубленных гласных в непервых слогах [СКЯ 1955: 37—38; ГСУЯ 1962: 32—33], и это как будто свидетельствует о том, что лабиализация данного гласного в этих диалектах вторична. Однако В. И. Лыткин приводит аргументы в пользу того, что первоначально этот звук был лабиализованным [Лыткин 1957: 94—96]. Как бы то ни было, в двух случаях наши тексты демонстрируют ошибочное написание **Р** *e* на месте ожидаемого **П**, что, несомненно, говорит о неогубленном произношении гласного, обозначаемого последней буквой: **ГГПРИ** *gižem* ‘написал’ *Егор.* 326, л. 359 об. вместо **ГГППИ** *gižem*; **РРР** *šed* ‘черный’ *Лух.* 360, л. 59 вместо **РПР** *šed* (в составе лексикализованного сочетания *šed verjaslu* ‘чернецам’, букв. ‘черным мужам’). Если бы буква **П** передавала огубленный гласный *ɔ*, такое смешение было бы невозможно.

5.3. Грамматические особенности

Поскольку текстовый объем рассматриваемых записей весьма невелик, в них встречается лишь несколько словоизменительных и словообразовательных морфологических элементов. Почти все они существуют в одинаковой форме как в древнепермском языке, так и в современных коми диалектах. Специфически древнепермский фонетический облик демонстрирует только показатель дательного падежа **-л** *-lu* (**РРР** **РРП** **РРП** *šed verjaslu* ‘чернецам’ *Лух.* 360, л. 59), которому в современном коми-зырянском языке соответствует *-lj*, а в коми-пермяцком *-le*.

Уникальный характер обнаруживает употребление в исследуемых текстах указательных местоимений. Основы *ta-* ‘этот’ и *sj-* ‘тот’ в современном коми языке употребляются главным образом при образовании косвенных падежей (*talən* ‘этого’, *silj* ‘тому’), а в самостоятельном виде только перед послелогом (*ta jiljś* ‘об этом’, *sj dinjñ* ‘у того’). В функции определения или подлежащего используются не *ta* и *sj*, а расширенные формы *taje* и *sije* [СКЯ 1955: 199]. Точно такое же распределение обнаруживается и в ранее изученных В. И. Лыткиным древнепермских памятниках [Лыткин 1952: 142, 143, 144]. Однако в наших текстах именно *ta* и *sj*, а не *taje* и *sije* оказываются употребительными как присубстантивные

определения: *ta ħebeg* ‘эта книга’ *Лух. 360*, л. 58; *sj ħebeg* ‘та книга’ *Лух. 360*, л. 60. Кроме того, в качестве подлежащего несколько раз засвидетельствовано ранее не встречавшееся в древнепермских памятниках и чрезвычайно редкое в современных коми диалектах (только в удорском [ССКЗД 1961: 369; Сорвачева, Безносикова 1990: 107]) местоименное слово *ata* ‘вот, вот это’: *ata ħebeg ezzdra* ‘Вот это книга Ездра’ *Волок. 11*, л. 271 об. и др.

5.4. Лексические особенности

Помимо вышерассмотренного слова *ata* ‘вот, вот здесь’ *Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Лух. 360*, л. 6, опубликованные записи включают следующие незасвидетельствованные ранее в древнепермских текстах слова и лексикализованные словосочетания: *veleđiś* ‘учитель’ *Лух. 360*, л. 59; *leśjid* ‘подходящий, благой’ в лексикализованном сочетании *p̄ir leśjid* *Лух. 360*, л. 6 или *p̄ir leśjida* *Лух. 360*, л. 58 ‘присноблагий’; *śed* ‘черный’ в лексикализованном сочетании *śed ver* *Лух. 360*, л. 59 ‘чернец’; *śir-musa* ‘сириец’ *Лух. 360*, л. 6; *Лух. 360*, л. 59. Кроме того, впервые засвидетельствовано несколько собственных имен и названий библейских книг. Ниже приводится полный указатель слов, представленных во всех записях.

INDEX VERBORUM

aj отец:

ajniṃ отец наш *Лух. 360*, л. 58

amiñ аминь *Волок. 9*, л. 285 об.

ata вот это *Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Лух. 360*, л. 6

ezdra Ездра (одна из книг Библии) *Волок. 11*, л. 271 об.

gavril Гавриил (имя собств.):

gavrilleṃ Гавриила (род. пад.) *Лух. 360*, л. 60

giž- писать:

gižem написал (очевидное прошедшее время) *Волок. 9*, л. 285 об.; *Егор. 326*, л. 359 об.

gižis написал (неочевидное прошедшее время) *Увар. 264-1°*, л. 30

grigorij Григорий (имя собств.) *Егор. 326*, л. 359 об.

i и (союз) *Увар. 264-1°*, л. 30

isakij Исакий (имя собств.) *Лух. 360*, лл. 6, 59

k̄ildaś Кылдась (прозвище), дьякон *Лух. 360*, л. 60

k̄ilzi- слушать:

k̄ilzi слушай *Егор. 326*, л. 162

luka Лука (имя собств.) *Лух. 360*, л. 60

ħebeg книга *Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лух. 360*, лл. 6, 58, 60

parał'ipomenon Паралипоменон (одна из книг Библии) *Волок. 9*, л. 285 об.

pi сын *Лух. 360*, л. 60

p̄ir-leśjid присноблагий *Лух. 360*, л. 6

p̄ir-leśjida присноблагий *Лух. 360*, л. 58

śed ver чернец:

śed verjashu чернецам (дат. пад. мн. ч.) *Лух. 360*, л. 59

sj тот *Лух. 360*, л. 60

śir-tu Сирия:

śir-musa сириец *Лух. 360*, л. 6; *Лух. 360*, л. 59

ta этот *Лух. 360*, л. 58

veleđ- учить, обучать:

veleđiś учитель *Лух. 360*, л. 59

veža святой *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лух. 360*, лл. 6, 58

* * *

В заключение необходимо признать, что хотя собственно лингвистическое значение впервые опубликованных в настоящей статье находок древнепермского языка и письма XV века для истории пермских языков и диалектов не столь велико, они тем не менее ощутимо пополняют скудный корпус древнепермской письменности, известной по старшим памятникам. Если надпись на иконе Зырянской Троицы

содержит 144 словоформы, а на утраченной к настоящему времени иконе Сошествия Св. Духа было зафиксировано 50 словоформ, то записи на книгах (не считая пермских азбук с простым перечислением букв и их названий) куда лаконичнее: приписка Гавриила на книге с сочинениями Григория Синаита (основная ее часть, читаемая на последней странице кодекса) состоит из 18 словоформ (в записи на доске переплета насчитывается еще около семи, но этот источник требует перепроверки), приписка Васюка Кылдасева в Уваровской кормчей 1510 г. содержит 12 словоформ. К 1980 г. В. И. Лыткин подсчитал, что «памятники древнего коми языка, написанные стефановской азбукой, составляют в общей сложности 236 слов связного текста» [Лыткин 1980: 15] (количество словоформ может различаться из-за проблемы их выделения в тексте, а также из-за плохой сохранности некоторых мест). В четырех опубликованных нами древнепермских приписках содержится в общей сложности 37 словоформ, то есть больше, чем было известно ранее из двух книжных памятников (третьим считается «подпись епископа Филофея», но, кроме его имени, она не расшифрована ввиду сильной порчи в результате неумелого копирования). При общей скудости письменных памятников древнепермского языка, дошедших до нас с конца XIV до начала XVI в., 37 новых словоформ, среди которых выявлено и несколько ранее неизвестных для этого периода лексем, — это не столь уж и мало и достойно в дальнейшем включения в обзоры по истории литературы и языка коми. Учитывая, что Ёньё Лав называет древнепермский период «сакральным временем» в истории литературных языков коми, которое декларируется в качестве «исток[а] культурно-письменного развития коми нации, ибо память о стефановых письменах для современных коми-пермяков не менее значима, чем для зырянских коми» [Степанов 2009: 263—264], вводимые в научный оборот настоящей публикацией памятники древнепермской письменности имеют еще и немаловажное историко-культурное значение: они демонстрируют включение древнепермских книжников, сохранявших на протяжении всего XV столетия традиции свт. Стефана Пермского, в деятельность профессиональных восточнославянских скрипториев, в процессе которой не только происходила трансмиссия рукописных текстов церковнославянской традиции, в том числе недавно занесенных на Русь в результате «второго южнославянского влияния», но и случалась спорадическая манифестация своего языкового самосознания — в тех самых приписках на древнепермском языке, пусть и не входящих в основной текст, но служащих знаком особой, иноязычной и инографичной, струи внутри этой самой традиции.

Применительно к истории церковнославянской книжности на Руси XV века — в Новгороде и в Великом княжестве Московском — обнаруженные памятники древнепермского языка свидетельствуют, во-первых, о появлении интереса восточнославянских книжников к «туземным» языкам, не входившим в число основных языков культуры Средневековья (таковым для ареала *Slavia Orthodoxa* был прежде всего литературный греческий, в гораздо меньшей степени — латынь и совсем на периферии — древнееврейский). В ту же эпоху в древнерусской книжности появляются первые собственно иноязычные словари-разговорники, не связанные с нуждами толкования канонических текстов (чему были посвящены традиционные лексиконы, содержащие в основном библейские имена собственные и объяснения заимствованных слов в составе этих самых текстов, прежде всего также библейских): это словарики «Грецкий язык» и «Се татарский язык», «Речь тонкословия греческого» и «Толкование языкаполовецкого» (под греческим тут имелся в виду уже не книжно-литературный язык канонических памятников письменности, а разговорный) [Алексеев 1968: 18—30; Ковтун 2001], а также тематические перечни слов, включавшие лексику, например, уже из арабского языка Восточного Средиземноморья (названия месяцев в календарном трактате «О месяцах книжных» [Грищенко 2018а: 213—214]), или маргинальные и текстовые глоссы Правленого славяно-русского Пятикнижия, заимствованные из старозападнокипчакского таргума [Грищенко 2018б: 85—112]. Наконец, в 80-е — 90-е гг. XV в. в новгородском переводческом кружке архиепископа Геннадия (Гонзова) велась большая работа по переводам с латинского и средневерхненемецкого, пусть и канонических памятников (библейских книг и комментариев на них), — и в этом самом кружке мы находим некоего писца Кузьмицу Златоустского, который, судя по прозвищу, был клириком церкви свт. Иоанна Златоуста, что над воротами новгородского Владычного двора, и оставил записи на древнепермском языке на тетрадах с переводами из Вульгаты. Был ли сам Кузьмица носителем этого языка, уже не столь важно: важно, что ему было необходимо оставить эти лаконичные записи, не содержащие никакой тайной информации, именно по-древнепермски, причем абуром.

И это второе существенное замечание о роли древнепермского языка и письма в истории восточнославянской книжности: владение этим «экзотическим» по средневековым меркам, пусть и на далекой северо-восточной окраине Европы, языком и его необычной графикой, разработанной изначально специально для него, по-видимому, было знаком принадлежности к особой интеллектуальной прослойке русских книжников — в том числе тех, кто активно использовал абур в качестве тайнописи, зашифровывая им русские и церковнославянские слова и фразы. Ранее считалось, что основными носителями культуры древнепермской тайнописи были так называемые жидовствующие (точнее, «жидовская

мудрствующие») — представители некоего интеллектуального течения, которые в итоге были обвинены в ереси и физически уничтожены: все маргинальные глоссы, записанные ими абуром, но по-славянски, даже специально издавались А. И. Клибановым как образцы их «литературы» [Казаква, Лурье 1955: 280—299]. Впрочем, решительно ничего еретического в этих глоссах найти невозможно, и теперь обнаруживается, что тем же абуром пользовались как будто бы идейные противники «жидовствующих» — участники кружка архиепископа Геннадия, известного своими сочинениями против «еретиков»; более того, тетради с записями абуром были посланы из Новгорода на Волок другому ярому противнику «жидовствующих» — волоцкому игумену Иосифу. За пределами настоящей статьи находятся и иные примеры использования абура, правда уже лишь в качестве тайнописи, в том же Геннадиевском кружке. Новых случаев применения древнепермской графики в XV — нач. XVI в. также накопилось довольно много, и все они будут рассмотрены в нашей последующей публикации, специально посвященной освоению восточнославянскими книжниками древнепермского языка и письма.

Литература

- Алексеев 1968 — *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968. {*Alekseev M. P.* Dictionaries of foreign languages in a Russian abecedarly of the 17th century. Leningrad, 1968.}
- Артеев 2007 — *Артеев А.* Стоявшие у истоков древней коми культуры // Молодежь Севера. № 27 (7306). 5 июля 2007 г. {*Arteev A.* Those who stood at the origins of the ancient Komi culture // The Youth of the Nord. No. 27 (7306). 2007, July 5.}
- АСЭИ, т. III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. Т. III / Сост. И. А. Голубцов. М., 1964. {The Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the late 14th—the early 16th centuries / Ed. by L. V. Cherepnin and I. A. Golubtsov. Vol. III. Moscow, 1964.}
- Беляков и др. 2013 — *Беляков О. В., Жучкова И. Л., Морозов Б. Н., Мошкова Л. В.* Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Под ред. Л. В. Мошковой. Вып. 2: Лествица — Пчела. М., 2013. {*Belyakov O. V., Zhuchkova I. L., Morozov B. N., Moshkova L. V.* A Catalogue of the Slavonic-Russian manuscript books of the 16th century, which are stored in the Russian State Archive of Ancient Acts / Ed. by L. V. Moshkova. Iss. 2. Moscow, 2013.}
- Бобров 1985 — *Бобров А. Г.* Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Научн. ред. Г. П. Енин. Л., 1985. С. 10—16. {*Bobrov A. G.* From the history of book writing of the Lisitsky Novgorod monastery at the late 14th—the early 16th century // The Research of written culture monuments in the collections and archives of the Manuscripts and Rare Books Department / Ed. by G. P. Yenin. Leningrad, 1985. P. 10—16.}
- Бриллиантов 1899 — *Бриллиантов И.* [И.] Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания 1398—1898. С приложением очерка «Патриарх Никон в заточении на Белоозере». СПб., 1899. {*Brilliantov I. I.* Ferapontov Belozersky now abolished monastery, the place of imprisonment of Patriarch Nikon. To the 500th anniversary of its foundation, 1398—1898. With the attached essay “Patriarch Nikon imprisoned at Beloozero”. St. Petersburg, 1899.}
- Буланин 1989 — *Буланин Д. М.* Питирим // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 2 (втор. пол. XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. Л., 1989. С. 193—195. {*Bulanin D. M.* Pitirim // A Dictionary of bookmen and bookishness of Old Rus’ / Ed. by D. S. Likhachev. Iss. 2. Part 2. Leningrad, 1989. P. 193—195.}
- Гранстрем, Тихомиров 2007 — *Гранстрем Е. Э., Тихомиров Н. Б.* Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности (подгот. текста, дополнения А. А. Турилова) // Вестник церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 134—197. {*Granström Ye. E., Tikhomirov N. B.* Works by St. Isaac the Syrian in the Slavonic-Russian writings (ed. by A. A. Turilov) // Bulletin of Church History. 2007. No. 1 (5). P. 134—197.}
- Грищенко 2018а — *Грищенко А. И.* Названия еврейских месяцев в средневековой славяно-русской книжности: переводы с греческого и непосредственные заимствования из семитских источников {*Grishchenko A. I.* The Names of the Hebrew months in the medieval Slavonic-Russian literature: Translations from Greek and direct loanwords from Semitic sources} // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jg. LXIII (2018), Heft 2. S. 189—214.
- Грищенко 2018б — *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018. {*Grishchenko A. I.* The Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century: The Preliminary results of the linguistic and textological study. Moscow, 2018.}
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск, 1962. {A Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology / Ed. by P. N. Perevoshchikov. Izhevsk, 1962.}

Дианова 1989 — Дианова Т. В. Филигрань «Кувшин» XVII в. М., 1989. {*Dianova T. V. The Watermark 'Jar' from the 17th century. Moscow, 1989.*}

Доронин 1958 — Доронин П. [Г.] Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257—271. {*Doronin P. G. The Documents on the Komi history: Vychehoda-Vym' (Misailo-Evtikhievskaya) chronicle // Historical and philological collection of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences. Iss. 4. Syktyvkar, 1958. P. 257—271.*}

Иосиф 1882 — Иосиф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. {*Hieromonk Joseph. An inventory of the manuscripts transferred from the library of the Joseph Monastery to the library of the Moscow Theological Academy. Moscow, 1882.*}

Казакова, Лурье 1955 — Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955. {*Kazakova N. A., Lourie Ya. S. Antifeudal heretical movements in Russia in the 14th—the early 16th centuries. Moscow; Leningrad, 1955.*}

Каталог 2017—2021 — Анисимова Т. В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова / Под ред. Ю. С. Белянкина. Т. I—III. М., 2017—2021. {*Anisimova T. V. Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E. E. Egorov / Ed. by Yu. S. Belyankin. Vols. I—III. Moscow, 2017—2021.*}

Ковтун 2001 — Ковтун Л. С. Древний период (X—XVII вв.). Языкознание у восточных славян в X—XV вв. // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2001. С. 23—49. {*Kovtun L. S. The Old period (the 10th—17th centuries). Linguistics among the Eastern Slavs in the 10th—15th centuries // The History of Russian lexicography / Ed. by F. P. Sorokoletov. St. Petersburg, 2001. P. 23—49.*}

Круглов 2017 — Круглов А. К. К вопросу о типологии русского переплета: переплет «в затылок» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXIX Междунар. научн. конф. М., 2017. С. 202—205. {*Kruglov A. K. Towards the typology of Russian binding: a binding *v zatylok* // Auxiliary historical disciplines in the modern academic knowledge: Proceedings of the 29th International conference. Moscow, 2017. P. 202—205.*}

Леонид 1893 — Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова (с включением 750 №№ собрания И. Н. Царского, описанных П. М. Строевым в алфавитном порядке). Ч. I. М., 1893. {*Archimandrite Leonidas Kavelin. A systematic description of the Slavonic-Russian manuscripts from the collection of Count A. S. Uvarov. Part I. Moscow, 1893.*}

Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. {*Litvina A. F., Uspenskij F. B. The choice of a name among Russian princes in the 10th—16th centuries: a dynastic history through the prism of anthroponymy. Moscow, 2006.*}

Лихачев 1899 — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I—III. СПб., 1899. {*Likhachev N. P. A Paleographic significance of paper watermarks. Parts I—III. St. Petersburg, 1899.*}

Лыткин 1952 — Лыткин В. И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1952. {*Lytkin V. I. The Old Permian language. The Reading of texts, grammar, and dictionary / Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, 1952.*}

Лыткин 1957 — Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957. {*Lytkin V. I. The Historical grammar of the Komi language. Part I. Introduction. Phonetics. Syktyvkar, 1957.*}

Лыткин 1980 — Лыткин В. И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2 / Отв. ред. А. Е. Ванеев, В. И. Мартынов. Сыктывкар, 1980. С. 10—21. {*Lytkin V. I. The Old monuments of the Komi writings // A History of the Komi Literature. Vol. 2 / Ed. by A. E. Vaneev and V. I. Martynov. Syktyvkar, 1980. P. 10—21.*}

Макарий, Печников 2005 — архим. Макарий (Веретенников), Печников М. В. Геннадий (Гонзов). Последние годы жизни // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 595—597. {*Archimandrite Macarius Veretennikov, Pechnikov M. V. Gennady Gonzov. The last years of his life // Orthodox encyclopedia. Vol. X. Moscow, 2005. P. 595—597.*}

Макаров и др. 2002 — Макаров А. И., Мильков В. В., Смирнова А. А. Древнерусские Ареопагитики (= Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. III (1)). М., 2002. {*Makarov A. I., Milkov V. V., Smirnova A. A. The Old Russian Corpus Areopagiticum. Moscow, 2002.*}

Морозов 2007 — Морозов Б. Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV — начала XVI в. // Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 6. Сыктывкар, 2007. С. 176—181. {*Morozov B. N. The New monuments of Old Komi writings of the late 15th—the early 16th centuries // Museums and Local History: Proceedings of the National Museum of the Komi Republic. Iss. 6. Syktyvkar, 2007. P. 176—181.*}

Морозов 2013 — Морозов Б. Н. Устьвымский книгописный центр. Новые памятники древней коми письменности конца XV — начала XVI вв. // Арт. 2013. № 3. С. 4—16. {*Morozov B. N. The Ust-Vym book writing center. New monuments of Old Komi writings of the late 15th—the early 16th centuries // Art. 2013. No. 3. P. 4—16.*}

Морозов, Симонов 2008 — Морозов Б. Н., Симонов Р. А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 1—21. {*Morozov B. N., Simonov R. A. On the discovery of the 14th century number notations by St. Stephan of Perm // Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki (= Studies in the history of science and technology). 2008. No. 1. P. 1—21.*}

ОКЗР 1971 — Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971. {The Samples of the Komi-Zyryan speech. Syktyvkar, 1971.}

Описание рукописей Соловецкого монастыря 1898 — Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. III. Отд. I. Казань, 1898. {A Description of the manuscripts of the Solovetsky Monastery, which are in the library of the Kazan Theological Academy. Part III. Dept. I. Kazan, 1898.}

Прохоров 1987 — Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. {Prokhorov G. M. The Monuments of the translated and Russian literature of the 14th—15th centuries. Leningrad, 1987.}

ПСРЛ, т. VI.2 — Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. {A Complete collection of the Russian chronicles. Vol. VI. Iss. 2. Sofia Second Chronicle. Moscow, 2001.}

Рогачев 1996 — Рогачев М. Б. Епископ Филофей Пермский // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. I. Пленарные доклады. История. Сыктывкар, 1996. С. 215—219. {Rogachev M. B. Bishop Philotheus of Perm // Christianization of the Komi region and its role in the development of statehood and culture. Vol. I. Syktyvkar, 1996. P. 215—219.}

Розов 1981 — Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. {Rozov N. N. A Book in Russia in the 15th century. Leningrad, 1981.}

Ромодановская 2000 — Ромодановская В. А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. 1. Рукописи XV — первой трети XVI в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 6—28. {Romodanovskaya V. A. The Distribution of the Gennady Bible parts translated from Latin. 1. Manuscripts of the 15th—the first third of the 16th century // The Sources on the Russian history and literature: The Middle Ages and the New Time. Novosibirsk, 2000. P. 6—28.}

Ромодановская 2001 — Ромодановская В. А. О целях создания Геннадиевской Библии как первого полного русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 278—305. {Romodanovskaya V. A. On the aims of the Gennady Bible creation as the first full Russian biblical codex // The Book Centers of Old Rus'. North-Russian monasteries. St. Petersburg, 2001. P. 278—305.}

Рыбалка 2018 — Рыбалка А. [А.] XIII класса Сулакадзева: источниковедческое историческое исследование. М.; Екатеринбург, 2018. {Rybalka A. A. Sulakadzev of the 13th grade. A Source study historical research. Moscow; Ekaterinburg, 2018.}

Рыков 1982 — Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 43 / Отв. ред. Т. М. Макогнова. М., 1982. С. 85—105. {Rykov Yu. D. New acts of the Spaso-Prilutsky monastery of the 15th century // Notes of the Department of Manuscripts. Iss. 43 / Ed. by T. M. Makogonov. Moscow, 1982. P. 85—105.}

Савельева 2019а — Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54—63. {Savelyeva N. V. Unknown samples of lexicographical legacy in Tsvetnik by Prokhor Kolomnyatin // Russkaya literatura. Historical and literary studies. 2019. No. 3. P. 54—63.}

Савельева 2019б — Савельева Н. В. Неизвестные словари-разговорники в древнерусском сборнике XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. мат-лов X Междунар. научн. конференции (9—13 сент. 2019 г., Москва, Россия) / Отв. ред. Е. Л. Конявская. М., 2019. С. 172—173. {Savelyeva N. V. Unknown phrasebooks in the Old Russian miscellany from the 17th century // The integrated approach to the Old Russia studies: Proceedings of the 10th international conference (2019, Sept. 9—13, Moscow, Russia) / Ed. by E. L. Konyavskaya. Moscow, 2019. P. 172—173.}

Савельева и др. 2021 — Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года {Saveleva N., Mullonen I., Fedyuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668} // Linguistica Uralica. 2021. Vol. 57. Iss. 4. С. 250—276.

СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—12. М., 1988—2019. {A Dictionary of the Old Russian language (11th—14th centuries). Vols. 1—12. Moscow, 1988—2019.}

Сидоров 1962 — Сидоров А. С. Новые памятники древнекоми письменности (с комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию Д. В. Бубриха. М.; Л., 1962. С. 178—182. {Sidorov A. S. The new monuments of the Old Komi writings (with comments, footnotes, and conclusion by V. I. Lytkin) // Issues of Finno-Ugric Linguistics: To the 70th anniversary of D. V. Bubrikh. Moscow; Leningrad, 1962. P. 178—182.}

Сизова 2010 — Сизова Е. А. Память о преподобном Мартиниане Белозерском. М., 2010. {Sizova E. A. The Memory of the Monk Martinianus Belozersky. Moscow, 2010.}

СКЯ 1955 — Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1955. {The contemporary Komi language. Part I. Phonetics, vocabulary, morphology / Ed. by V. I. Lytkin. Syktyvkar, 1955.}

СЛРЯ XI—XVII в. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—30. М., 1975—2015. {A Dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries. Iss. 1—30. Moscow, 1975—2015.}

- Сорвачева 1978 — *Сорвачева В. А.* Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978. {*Sorvacheva V. A.* The Lower Vychegda dialect of the Komi language. Moscow, 1978.}
- Сорвачева, Безносикова 1990 — *Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990. {*Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M.* The Udora dialect of the Komi language. Moscow, 1990.}
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. {The comparative dictionary of the Komi-Zyryan dialects. Syktyvkar, 1961.}
- Степанов 2009 — *Степанов (Оньо Лав) В. А.* Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашияского университета. № 3. 2009. С. 262—267. {*Stepanov (Enye Lav) V. A.* An approach to periodization of the early epoch in the history of the Komi-Permyak standard language // Vestnik Chuvashskogo Universiteta (Bulletin of the Chuvash University). No. 3. 2009. P. 262—267.}
- Строев 1848 — *Строев П. [М.]* Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. {*Stroyev P. M.* The Slavic and Russian manuscripts belonging to Ivan Tsarsky. Moscow, 1848.}
- Строев 1877 — *Строев П. [М.]* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. {*Stroyev P. M.* The Lists of hierarchs and abbots of the monasteries of the Russian Church. St. Petersburg, 1877.}
- Тиганова и др. 1972 — *Тиганова Л. В., Тихомиров Н. Б., Неволин Ю. А.* Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. Фонд № 113, т. 2 (№№ 1—237). Дополнительная опись к печатному описанию иером. Иосифа... / Гос. биб-ка СССР им. В. И. Ленина; Отдел рукописей. М., 1972 [машинопись, хранящаяся в Отделе рукописей РГБ]. {*Tiganova L. V., Tikhomirov N. B., Nevolin Yu. A.* The collection of the Joseph-Volokolamsk monastery. Fund No. 113, Vol. 2. Moscow, 1972 [this is a typescript stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library].}
- Усачев 2018 — *Усачев А. С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.—СПб., 2018. {*Usachev A. S.* The Book writing in Russia of the 16th century: Based on the materials of dated output records. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg, 2018.}
- Успенский 2004 — *Успенский Ф. Б.* Словарь Н. М. Тупилова и принципы имянаречения в Древней Руси // *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В. М. Воробьева. М., 2004. С. 881—891. {*Uspenskij F. B.* The Dictionary by N. M. Tupikov and the principles of naming in Old Rus' // *Tupikov N. M.* The Dictionary of Old Russian personal names / Ed. by V. M. Vorobyov. Moscow, 2004. P. 881—891.}
- Федотова 1996 — *Федотова [М.] С.* Ранняя русская рукописная традиция Постнических слов Исаака Сирина (14 — начала 16 в.) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Сыктывкар, 1996. С. 292—296. {*Fedotova M. S.* The Early Russian manuscript tradition of the Ascetic Words by Isaac the Syrian (the 14th—the early 16th centuries) // Christianization of the Komi region and its role in the development of statehood and culture. Vol. II. Syktyvkar, 1996. P. 292—296.}
- Федотова 2001 — *Федотова М. С.* К вопросу о славянском переводе постнических слов Исаака Сирина (по рукописям XIV — начала XVI вв. петербургских собраний) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 498—511. {*Fedotova M. S.* On Slavonic translation of Ascetic Sermons by Isaac Syrus (MSS of the 14th through the beginning of the 16th centuries from St. Petersburg collections) // Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. 52. St. Petersburg, 2001. P. 498—511.}
- Шварц 1989 — *Шварц Е. М.* Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.—Л., 1989. {*Schwarz E. M.* The Novgorodian manuscripts of the 15th century: A codicological study of the manuscripts of the Sofia-Novgorodian collection of the State Public Library. Moscow; Leningrad, 1989.}
- Шевченко 1991 — *Шевченко Е. Э.* Жития Ферапонта и Мартиниана Белозерских // Ферапонтовский сборник. Вып. 3 / Сост., предисл. Г. И. Вздорнов; Отв. за выпуск С. В. Ямщиков. М., 1991. С. 359—400. {*Shevchenko E. E.* The Lives of Therapont and Martinian of White Lake // Ferapontovsky collection. Iss. 3 / Ed. by G. I. Vzdornov and S. V. Yamshchikov. Moscow, 1991. P. 359—400.}
- Шевченко 1994 — *Шевченко Е. Э.* Преподобные Ферапонт и Мартиниан Белозерские // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г. М. Прохоровым, Е. Г. Водолазкин и Е. Э. Шевченко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1994. С. 189—197. {*Shevchenko E. E.* Saints Therapont and Martinian of White Lake // Saints Cyril, Therapont, and Martinian of White Lake / Ed. by G. M. Prokhorov, E. G. Vodolazkin, and E. E. Shevchenko. 2nd ed. St. Petersburg, 1994. P. 189—197.}
- Шестаков 1868 — *Шестаков П. [Д.]* Св. Стефан, первосвятитель Пермский // Ученые записки Казанского университета. 1868. Т. IV. С. 21—110 (также отдельный оттиск со своей пагинацией: Казань, 1868). {*Shestakov P. D.* St. Stephen the first Bishop of Perm. Kazan, 1868. Vol. IV. P. 21—110.}
- Шляпкин 1894 — *Шляпкин А. [И.]* Св. Питирим, епископ Пермский // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХСII. 1894, март. Отд. наук. С. 135—145. {*Shlyapkin A. I.* St. Pitirim the Bishop of Perm // Journal of the Ministry of Public Education. Part ССХСII. 1894. P. 135—145.}
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1—41—. М., 1974—2018—. {The Etymological dictionary of the Slavic Languages. Iss. 1—41—. Moscow, 1974—2018—.}

Янин 1976 — Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь / Под ред. Г. К. Вагнера, Д. С. Лихачева, П. А. Раппопорта. М., 1976. С. 108—117. {*Yanin V. L. The Seven-cathedral Inventory of Novgorod // Medieval Russia / Ed. by G. K. Wagner, D. S. Likhachev, P. A. Rappoport. Moscow, 1976. P. 108—117.*}

Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου 2012 — Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου. Λόγοι ἀσκητικοί / Κριτική ἔκδοσι Μ. Πιράρ. Ἱερὰ Μονὴ Ἰβήρων, Ἄγιον Ὄρος, 2012. {*Abba Isaac the Syrian. Ascetic Homilies. Critical edition by M. Pirard. Iviron, 2012.*}

Briquet 1907 — *Briquet Ch.-M. Les filigranes : dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.*

Čtyřicet homilií 2005—2006 — Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu / K vyd. připravil V. Konzal. Díly 1—2. Praha, 2005—2006.

Heawood 1950 — *Heawood E. Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries (= Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Vol. I). Hilversum, 1950.*

Piccard 1966 — *Piccard G. Die Ochsenkopf Wasserzeichen (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. II). Stuttgart, 1966.*

Piccard 1977 — *Piccard G. Wasserzeichen Buchstabe P (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. IV). Stuttgart, 1977.*

Piccard 1983 — *Piccard G. Wasserzeichen Frucht (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. XIV). Stuttgart, 1983.*

Piccard 1996 — *Piccard G. Wasserzeichen Dreieck (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. XVI). Stuttgart, 1996.*

ŘSI — Řecko-staroslověnský index. T. I—. Praha, 2014—.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. 1—4. Praha, 1966—1997.